Пустыня Всадников

Автор:
Варвара Еналь

Пустыня Всадников

Варвара Николаевна Еналь

Живые. Эра драконов #1

Варвара Еналь – автор известного фантастического цикла «Живые». Новый цикл «Живые. Эра драконов» – о подростках с планеты Эльша, увлекательные приключения которых предшествуют событиям цикла «Живые». Книгу с интересом прочтут как поклонники серии «Живые», так и те, кто еще не знаком с ее героями.

Мэши всю жизнь прожила в окруженном скалами Третьем Городе. Но однажды она вместе со своим отцом покидает безопасные стены и отправляется в дальний путь.

Впереди Мэши ждут опасные приключения, когда древние легенды оказываются реальностью, а исконные враги совершенно неожиданно приходят на помощь. Почему во всем мире осталось всего девять Городов? Какие двери открывают Ключи из Живого металла? Все ли драконы злы и темны? И что же все-таки произошло на этой когда-то высокоразвитой планете Эльше под яркими лучами дневного Светила и в тихом ночном свете Буймиша?

Варвара Еналь

Пустыня Всадников

© Варвара Еналь, текст, 2017

© ООО «РОСМЭН», 2017

Глава 1

Мэши. Наш народ выживет в Городах

1

Мэши подняла голову и последний раз бросила взгляд на Город. Каменные дома лепились к скалам и уходили вверх, почти до самых вершин, в точности повторяя неправильную окружность скальной гряды. Плоские крыши самого верхнего яруса чуть-чуть не доставали до плато, на котором тонкими, ровными линиями вырисовывались сторожевые башенки.

Густо-сиреневое небо казалось плотным куполом, накрывающим Город. А белый круглый Буймиш, слабо выглядывающий большим боком из-за гряды, напоминал огромный фонарь. Вернее, только бок этого фонаря. Дневное светило уже успело опуститься, и Буймиш теперь разливал теплое, бледно-розовое свечение и на стены домов, и на верхушки Городских гор.

Мэши подумала, что, когда была маленькой, Буймиш казался живым, и она разговаривала с ним по ночам, выглядывая в окно. До тех пор, пока старший брат не объяснил, что это всего лишь планета, вокруг которой вращается их сиреневая Эльша. А они живут себе на Эльше и даже не чувствуют, как плывут вокруг Буймиша.

Мэши тогда страшно удивилась. Она подумала, что такого и быть не может. Если бы они действительно летали на Эльше вокруг Буймиша, она бы могла это почувствовать. Она бы точно почувствовала. Но брат только засмеялся и велел спросить у отца.

– Пойдем уже… – Отцовский голос вернул к действительности.

Мэши надвинула плотнее капюшон, вздохнула.

– Я сейчас, – шепнула совсем тихо.

Ей непременно хотелось отыскать темные окна их дома. Он находился на третьем ярусе, и в стенах его попадались розовые и красные камни. Отец говорил, что купил дом в тот год, когда у них с матерью родился первый сын. Мэши всю жизнь прожила в нем, все шестнадцать полных Буймишей. То есть шестнадцать раз Буймиш поднимался в самый зенит над Городом. Другого дома у Мэши не было.

А теперь вот они с отцом покидают его навсегда. Наверное, навсегда.

Мэши не спрашивала, вернутся ли они когда-нибудь. К чему задавать глупые вопросы? Как только отец проведет через потайной проход за Городскую гряду, они станут предателями, и пути назад не будет.

Мэши решительно отвернулась и зашагала по гладкой каменной дорожке.

Выбраться из Города не просто. Вот об этом она и спросила сегодня днем отца, когда вернулись с Городского собрания. Спросила коротко и резко, едва поднялись по подъемнику на тот уровень, где находился их дом.

Отец поднял брови и сурово велел:

– Молчи!

Одно слово, но столько в нем было гнева и ярости, что Мэши удивленно глянула на отца. Она давненько не видела его таким. Наверное, с той самой поры, как ушла мама.

А едва попали через переход в свой дом и автоматическая дверь щелкнула, возвещая о том, что сработали замки, отец схватил вместительный кожаный рюкзак, бросил его на широкую кровать в одной из домашних ниш – той самой, где когда-то спала мама, – и распорядился:

– Собирай вещи, мы уходим.

– Как мы выйдем? – Это единственное, что хотела знать Мэши. Все остальное было понятным, как узоры на спине домашней ящерицы Хамийе.

– Я знаю проход. Там нас не задержат, в тех местах наши не появляются. Потому что там Настоящая Земля, кусок Настоящей Земли.

– Как же пройдем мы?

– Очень быстро. Нас с тобой только двое, Деревья не успеют нас почувствовать. Это единственный выход отсюда.

Городские собрания проходили каждый год. И каждый год имена шестнадцатилетних мальчиков составляли список будущих ополченцев. А на следующий день крутили жребий – традиционный каменный барабан, – и несколько десятков избранных уходили служить в ополчение. Навсегда. На всю жизнь.

Так однажды ушли и два старших брата Мэши.

Остальные мальчики продолжали жить в Городе и записывались на курсы будущих профессий. Кому-то хотелось стать земледельцем, кому-то заводчиком ящериц, а кому-то – строить ярусы и дома из тяжелых гладких камней. Братья Мэши надеялись стать строителями, они не раз это говорили.

Но они стали никем. Барабан жребия выдал их имена, а через пару лет пришла весть, что они оба погибли в схватке с драконами. Смерть их была героической и почетной, они защищали Города от нападения Всадников. И память о них будет жить всегда.

Только что толку, когда от твоих братьев остается только память, и больше ничего? Разве это утешит? Разве это вселит радость в когда-то шумный и веселый дом?

Пустые комнаты стали холодными и тихими. В них иногда шастал золотистый Хамийе, шлепал своими смешными шестью лапами, тащил длинный радужный

хвост и долго втягивал воздух носиком. Шум его движений долетал до Мэши, она вздрагивала, и ей казалось, что это братья ходят в своих комнатах и что достаточно выбежать в общий коридор, чтобы их увидеть.

И она выбегала. И долго стояла, прислушиваясь и не решаясь заглянуть в арки проходов.

Она знала, что братья уже никогда не появятся дома. И никогда не отпустят своих колких шуток.

Это было так тяжело, что Мэши возвращалась к себе и плакала, сидя на полу. Вытирала слезы ладонями, а глупый Хамийе терся хвостом о ее колени и вытягивал узкий, длинный язык. Он совсем не знал братьев, отец купил его, когда старшие мальчики покинули дом и вступили в ополчение.

У братьев была небольшая разница в возрасте – Ханш был старше Роша всего на один год, на один полный цикл Буймиша. Им выпал жребий служить вместе.

Так случилось, такая была судьба у них.

И старейшины Города сказали то же самое. Такая судьба.

А на сегодняшнем собрании один из старейшин объявил, что мальчиков этого года слишком мало и если восемьдесят человек отправятся в ополчение, то в Городе останется всего чуть больше сотни будущих мужчин. И это не дело.

– Потому, – невозмутимо продолжал старейшина, – мы решили на Совете, что в список для жребия в этом году войдут и девочки. Это будет справедливое решение.

Старейшина поклонился, пригладил узкими ладонями длинные белые пряди волос и задрал подбородок, обводя взглядом сидящих кругом родителей. Всех родителей, чьи дети в этом году достигли шестнадцатилетия.

Мэши сидела рядом с отцом, а на плече у нее растянулся Хамийе. Хвост его спускался до локтя правой руки и смешно щекотал кожу. В зале было тепло: работали низкие обогреватели у стены. Но Мэши вдруг почувствовала ледяной

озноб, пробегающий по плечам и спине. Потому поплотнее запахнула серую курточку и спрятала запястья в рукава. Бросила взгляд на отца, но тот оставался невозмутимым.

Старейшина зачитал список имен для завтрашнего жребия и произнес традиционную для такого события фразу:

– Наша сила в единстве, наша война правая. Наш народ выживет в Городах, и мы еще много раз увидим, как поднимется в зенит Белый Буймиш.

Имя Мэши было в списке. Это значит, что завтра ей может выпасть жребий и она станет ополченцем. Навсегда. И уже не вернется домой. Это судьба – так скажет старейшина. И в доме из разноцветных камней больше не будет звучать голос Мэши, как не звучат голоса братьев.

Мэши посмотрела на свою подругу, Ганишу, сидевшую рядом с родителями. Глаза у той покраснели, она шмыгала носом и нервно поглядывала на отца. Ганиша тоже боялась. Мало радости узнать, что впереди тебя ждет пожизненная служба на границе и война с огромными механическими драконами, извергающими огонь.

Матери и отцу так и не сказали, как погибли Хаши и Рош. Может, им пришлось сгореть в жутком драконьем огне? Сгореть заживо?

Каково это – сознавать, что мальчики, которые были так дороги, так весело шутили, так громко смеялись, просто сгорели, и их уже нет? Просто нет – и все. Нигде во всем мире, даже тел не осталось, даже могил? Разве можно впустить в себя ту пустоту, что остается после потери?

Потому, когда отец велел собираться и сказал, что они уходят, Мэши не задавала лишних вопросов. Все было ясно и понятно.

Ее только пугала необходимость идти через темный проход, где была Настоящая Земля. Слова эти надо было произносить с большой буквы. Их так и произносили, понизив голос, выделив, обозначив. Придав им особенную весомость. Настоящая Земля – это то, что таило в себе смертельную угрозу. Настоящей Земли боялись даже Всадники, владеющие механическими драконами.

В Настоящей Земле могли быть Настоящие Деревья. Те, что владели планетой Эльшей. По-настоящему владели.

Деревья – та опасность, которая заставила людей уйти в горы и строить Города в скалах. Потому что корни Деревьев не могли попасть в скалу, они не пробивали скалы. Это оказалось спасением для всего человечества во время Железной войны, когда огромные живые Деревья уничтожали деревню за деревней, поселение за поселением, город за городом. В те далекие времена города просто строили на почве. Вырубали леса, пропахивали землю и возводили каменные или деревянные дома. Много деревянных домов. И высокие заборы, тоже из деревьев. Древесина очень удобна для строения – это Мэши знала еще из школьных уроков. Она твердая, крепкая, теплая, хорошо пахнет. Дома из нее получались удобными, долго сохраняли тепло. Да и деревьев на планете Эльша было очень и очень много.

Люди научились строить механические машины, которые управляли сами собой. Научились добывать энергию из ветра и тепла. Люди научились летать и завладели всей планетой. И вот тогда, когда история человечества насчитывала шесть с половиной тысяч лет – так учили в школе, – люди и принялись вырубать леса на Эльше.

Откуда появились Настоящие, живые Деревья, так и осталось неизвестным. Может, люди и знали когда-то, да только большая часть знаний потерялась во время Железной войны. Настоящие Деревья – огромные, великанские, исполинские – уничтожили все города, все деревни и все поселения. Почти всю цивилизацию людей.

Уцелели только селения на горных хребтах, где земли почти не было и здоровенным корням не за что было уцепиться. Деревьям нужна земля, без нее они не могут. Это и спасло жизнь человечеству.

Укрывшись в скальных районах, где слой земли был тонок и слаб, люди обрели убежище. Построили свои Города – те самые, что стали оплотом и гарантией жизни. Девять Городов Жизни – так их теперь называли.

Наша сила в единстве, наше дело правое. Наш народ выживет в Городах, и мы еще много раз увидим, как поднимается в зенит Белый Буймиш.

Слоган остался от прошлой войны. Это Мэши учила еще в самых первых классах школы, когда была маленькой. Ей нравились гордые слова, полные надежды, ей нравилось, как все ритмично били в ладоши, повторяя их вновь и вновь.

Наша сила в единстве, наше дело правое… Мы жили в бедности и голоде, но Города спасли наш народ…

Ей тогда думалось, что это особенное везение и удача – жить в Городах, а не в бесплодных пустынях, как Всадники драконов. И это действительно было так.

Девять Городов могли производить продукты питания – у них для этого были теплицы с тонким слоем плодородной земли. И в этих теплицах росли зерновые, мукокки, тимайю и много чего другого. И еще были ящеры, дающие яйца и мясо. Ящеры, которых разводили в больших питомниках-пещерах и кормили мукоккой.

Вот потому «наш народ выживет в Городах». Только Города были местом жизни для людей. Девять Городов на всю большую планету Эльша.

И если Мэши с отцом покидают свой Город (он назывался Третьим Городом), то они остаются без защиты. Теперь следует опасаться не только Всадников на механических драконах, но и Настоящих Деревьев. Хотя последних Мэши не видела ни разу в своей жизни, только читала о них в книжках да слушала рассказы учителей. Сами учителя тоже не видели Настоящих Деревьев. Пожалуй, в Третьем Городе их не видел никто.

Мэши много раз спрашивала у отца, где на самом деле сейчас легендарные Деревья, но отец всегда отвечал одно и то же:

– С той поры прошло слишком много времени, не осталось в живых ни одного свидетеля Железной войны. Люди боятся покидать Города, а Деревья не могут проникнуть к нам. Потому сейчас никто ничего не знает.

И вот теперь, когда поздним сиреневым вечером Мэши ступает вслед за отцом по жесткой, каменистой тропинке, становится ясно, что впереди наверняка ждет встреча с этими самыми Настоящими Деревьями. И от этого пробирает озноб, леденеют пальцы на руках и хочется плюнуть и вернуться обратно. В каменный безопасный дом, прилепленный к отвесной скале.

Только ведь дом теперь перестал быть убежищем. И если завтра жребий выдаст имя Мэши, все равно придется собирать рюкзак и отправляться с ополченцами на стены пограничных Городов. И это вовсе не веселенькое путешествие. Железных драконов Мэши видела своими глазами и сама же спасалась от их огня, сжирающего все на своем пути. Потому уж лучше бояться неизвестных Настоящих Деревьев, чем лицом к лицу встретиться со смертельной опасностью – сильной, горячей, злобной.

Отец хорошо знал самые отдаленные закоулки Третьего Города. Он шел уверенно и бесшумно, под его ногами не шелестела трава, не скрипели камни. Выйти из Города было не просто – он представлял собой настоящую крепость: дома, построенные впритык к скалам, сторожевые башни на плоских вершинах, отсутствие перевала и надежно защищенные проходы. Идеальное замкнутое кольцо. Но отец сказал, что выход есть.

– Один старый проход, куда люди ходить боятся. Говорят, что Буймишей двадцать назад там погибли дети, потому его закрыли каменными воротами, но мы проберемся.

– Как мы проберемся? – спросила его Мэши, перешагивая через парочку острых булыжников и придерживая рукой колючие ветки кустарника хисиемы.

– Там нет запоров. Замаскированный старый проход, о котором сейчас мало кто помнит.

– А тех детей, которые погибли там, съели Деревья?

– Говорили, что так. Но кто его знает…

– А вдруг нас съедят?

– Будем надеяться, что не съедят.

Отец взял Мэши за руку – ладонь у него была шершавой и теплой – и ускорил шаг. Кусты хисиемы скрывали их фигуры, но где-то за кустами, за узкой речушкой и рядами стеклянных теплиц находились Городские дома. Переливались огни в окнах, сияли фонари на уровнях и еле слышно

поскрипывали автоматические двери. Город жил, дышал, бурлил, и сложно было представить, что совсем скоро все эти теплые, родные звуки навсегда исчезнут из жизни. Предателям дороги назад не будет.

Если Мэши и отец сейчас покинут Третий, то завтра при перекличке на уровне это обнаружится. Завтра рано утром их хватятся, пойдет клич по всему Городу. И через пару часов они будут объявлены «вне Города», то есть вне закона, вне безопасности. Они уже не будут гражданами, которых охраняют, кормят и берегут. Они станут изгоями, чужими, неудачниками. Они станут просто никем. Их имена будут вычеркнуты, их дом выставят на продажу, а милого золотистого Хамийе пристроят в питомник. А после отдадут в другую семью, наверное. И другая девочка будет гладить его немного шершавую чешую и целовать зелененький выпуклый носик.

Хамийе будет скучать по Мэши, конечно будет. И подружки еще не раз вспомнят ее, но уже не с сожалением, а с осуждением. Предать Город и бросить его – это страшное преступление.

Может, они с отцом совершают ошибку, может, все еще наладилось бы. Жребий миновал бы Мэши, и она смогла бы закончить в этом году школу и выбрать профессию. Мэши мечтала разводить ящериц, ей нравилось возиться с животными.

Глянув на отца, решительно шагающего вперед, Мэши вздохнула и поникла.

А может, и не наладилось бы… Вращающийся круг с глубокими выемками остановился, и на одном из каменных шариков, попавших в лунку, написано имя Мэши. И пути назад уже нет. Ей даже не дадут зайти домой за вещами – избранных будущих ополченцев забирают прямо из зала совета, где вращают колесо жребия.

Новая одежда, новое имя, новые правила. И ты уже не свободная девочка Мэши, ты воин, обязанный до конца своей жизни служить на границах Девяти Городов Жизни и при необходимости отдать собственную жизнь за эти самые Города. Ничего хорошего и славного. Смерть и ужас. Разлука и одиночество.

Уж лучше уйти.

Отец Мэши был родом из далеких поселений на воде. Плавающие дома – так назывались эти поселения. Настоящие Деревья не могут жить на камнях и в воде. Потому Плавающие дома тоже было безопасным местом. Вот туда, к своей родне, отец и собрался.

– Там другие законы, там не бывает Всадников, потому жить легче и проще. Моя родня не откажется от меня, – объяснил он.

И в глазах его при этом светилась уверенность и надежда.

Отец сказал о своих родных, перед тем как они вышли из дома и последний раз закрылась за ними дверь. И с тех пор в сердце Мэши поселилась надежда. Они найдут новое пристанище для жизни, найдут родных, и все наладится. И все будет хорошо.

2

Отец свернул в узкое ущелье, и тут же за спиной раздался тягучий звон Габуиши – длинных металлических полос со встроенными редукторами звучания, – развешанных на сторожевых башнях. Знак к отключению электричества. Под этот долгий и скучный гул медленно гасли огни во всех домах, и вскоре Город погрузился во тьму. Только самую малость светились крохотные фонарики в теплицах и питомниках.

Энергию экономили. Ведь энергетических установок не так много, да и ветер не всегда бывает достаточно сильным. И дневное Светило не всегда пробивается из-за туч. А от Буймиша слишком мало света, чтобы выработалась хоть сколько-то энергии.

– Вот и славно, – прозвучал в полнейшей мгле уверенный голос отца, – зато мы будем незаметны. Никто не обратит на нас внимания.

Мэши рассеянно кивнула. Вроде бы и так никто не обращал внимания. Шли себе и шли. Шагали по камням. В здешних местах еще не доводилось бывать, поэтому было даже немного интересно. Густо-сиреневое небо над головой да узкий бок

Буймиша – вот и все, что виднелось за ровной линией гор. Интересно, как долго придется идти? До самого утра? А где они смогут поесть?

От волнения мысли о еде показались пустыми и ненужными. Какая еда, когда зубы постукивают и сердце колотится? А что, если ее и отца вдруг все-таки заметят? А что, если ночью на них нападут Всадники? От этих мыслей хотелось забиться в кусты и тихонько завыть от ужаса.

– Не переживай, – тихо проговорил отец, – скоро выберемся. Тебе понравится мир, вот увидишь. Ты ведь в жизни-то и не видела ничего, кроме нашего Города. А мир, Мэши, он знаешь какой красивый?! Пора тебе посмотреть мир. Самое время сейчас.

Мэши не ответила. Какая разница – красивый мир или нет, если они бегут от одной опасности к другой?

Неожиданно отец остановился у стены, и ничего невозможно было разобрать в плотных, почти фиолетовых сумерках. Но отец, видимо, точно знал, что надо делать. Потому что достал узенькую лопатку из рюкзака, наклонился, поддел ею что-то, надавил плечом, крякнул, присел – и часть стены сдвинулась с места. Поехала в сторону, и до Мэши дошло, что вот эта гладкая поверхность и есть каменная дверь. Такую не разглядишь с первого раза, тем более в темноте.

Образовавшийся проход дохнул холодом и сыростью. Влажной, приятной землей. На Мэши была темная курточка длиной почти до колен, с капюшоном, узенькая шапочка, плотные широкие штаны и мягкая обувь из кожи ящера-гиганта нажиса. Отец велел надеть самую темную и теплую одежду, сказав, что там, куда они пойдут, будет гораздо холоднее. И вот теперь она сама в этом убедилась.

Шагнув следом за отцом в проем, Мэши споткнулась и чуть не грохнулась. Вскрикнула, протянула руку и коснулась холодного камня – стены прохода. Камень – это опора и безопасность. Так учили в школе. Камень – залог выживания…

– Как же мы будем? Вдруг на нас нападут Всадники? – выдохнула она наконец свои опасения.

– Всадникам нужна еда: мясо и злаки, ты же знаешь. На двоих одиноких путников они и внимания не обратят. Да и на нас неприметная одежда, в сумраке мы сольемся с местностью и не будем бросаться в глаза с высоты полета.

– А днем?

– А днем мы с тобой отдохнем, Мэши. Всю эту ночь мы будем двигаться, света Буймиша вполне достаточно, чтобы не сбиться с пути. Так что наш отдых наступит только тогда, когда взойдет Светило.

– Ничего себе, сколько еще идти… – пробормотала Мэши, стараясь хоть что-то рассмотреть у себя под ногами.

Отец достал маленький светильничек, прикрепленный к большому железному кольцу, – дорогая вещица. Пояснил, что у него есть запас энергетических камушков, на несколько дней должно хватить.

– А там видно будет. Там что-нибудь придумаем.

Долгожданный розовый луч пробежался по низкому своду прохода, по закруглявшимся к потолку стенам и остановился где-то впереди, на углу, за которым скрывался поворот.

– Нам туда, – решительно сказал отец и зашагал вперед.

Мэши двинулась за ним, правда не так уверенно и спокойно. Временами тревога накатывала, словно порыв ветра, и тогда зубы начинали стучать от ужаса. И в голове метались мысли: «Как же без Города? Что же без Города? Кем мы будем? Отщепенцами? Приблудами? Бродягами?»

Сомнения одолевали с каждым шагом, и Мэши все больше оглядывалась назад.

Отец, словно уловив ее страхи, проговорил:

– От нашей семьи остались ты да я. А так хотелось, чтобы мальчики выросли, завели семьи, продолжили род. Но у тебя все еще будет, я обещаю. Жаль, что

твоя мать ушла и не увидит тебя взрослой…

При воспоминании о матери Мэши нахмурилась. Не стоит сейчас ворошить прошлое. Что миновало, то миновало. Отец, конечно, прав. От их семьи ничего не осталось, и если уйдет и она, то и смысла жизни для отца не будет. Все, кого он любил, все ушли. Или в небытие, или в другие Города. Мать ушла в другой Город, в Пятый. Покинула их, оставила без сожаления. Сказала, что жизнь разбита и она хочет начать все заново. Звала с собой Мэши, но не охотно, так, больше для порядка.

Отец никогда не обсуждал эту тему, но временами говорил, что никогда не оставит Мэши. И Мэши ему верила. Ее отец был настоящим отцом и поступал так, как должен был.

Мать просто скинула на них тяжелую ношу горя и убежала. По крайней мере так думала Мэши. Мальчики унесли с собой в небытие все тепло и нежность, всю веселость и радость, что были прежде. А тот холод и пустота, царившие теперь в доме, матери были не нужны. И Мэши тоже оказалась не нужна. Одной дочери было слишком мало, чтобы облегчить горестное бремя. Потому мама ушла.

Но зато всегда рядом был отец, и сейчас он спасал ее от неминуемой беды, от нависшей угрозы. Он делал то, чего не смог сделать для сыновей. Возможно, отец до сих пор винил и себя в их гибели. Возможно, он жалел, что вообще пришел однажды в Города. И потому старался исправить ошибки прошлого.

Мэши не спрашивала его, это ведь и так было понятно. Просто шагала следом, ежилась от прохлады и мысленно прощалась с Городом и друзьями. С одногодками, которых больше никогда не увидит. С ленивым Хамийе – ящер наверняка лежит под дверью и тоскливо постукивает длинным хвостом. Не дождется ящер свою хозяйку этой ночью…

Вдруг отец остановился, повернулся слегка и провел лучом светильника вперед по проходу. Опустил его вниз, и в розоватом свете жирной, рыжеватой полосой показалась земля.

– Это и есть Настоящая Земля? – осторожно спросила Мэши.

– Она самая. Вот теперь надо быть начеку.

– А если… – дальше язык не повернулся, и вопрос повис в воздухе.

– Мы пройдем быстро и тихо. Деревьев-Гигантов сейчас рядом нет, иначе бы в Городе объявили тревогу. Ну, пошли.

Отец ступил первым. Сначала медленно, неуверенно, будто под ногами у него был узкий карниз над пропастью. После более смело – шаг за шагом. Шел он так тихо, что Мэши не улавливала ни шороха.

Сама она нерешительно двинулась следом лишь тогда, когда отец оказался у очередного поворота. Он оглянулся, поднял брови и еле слышно проговорил:

– Не бойся, пошли. У нас с тобой все должно получиться. Тут недалеко.

Но вот тут, в этом самом проходе, и погибли дети. Отец ведь не зря сказал об этом, он хотел еще раз напомнить о том, что их путешествие – вовсе не увеселительная прогулка. Корни Гигантов-Деревьев могут преодолевать под землей довольно большие расстояния – так учили в школе. А после вылезать узкими, гибкими змеями, разрушать все, что попадается на пути, и затягивать вниз, под землю, людей. Вдруг и сейчас в этой кромешной темноте появится древесный корень? И Мэши с отцом его не услышат? Вдруг он уже за спиной, извивается, готовится напасть и утянуть во влажный земляной мрак?

Мэши нервно вздрогнула и вцепилась в отцовский рукав. Только бы выбраться отсюда живыми и невредимыми… Только бы выбраться…

Отец шел вперед молча, все ускоряя и ускоряя шаг. Мэши едва поспевала за ним, умирая от ужаса. Лучик светильника плясал по земле, по стенам, перескакивал на потолок.

И вдруг впереди слабым пятном проступил темно-фиолетовый небосвод, полный еле заметных звезд. Мэши хотела спросить, что там, но отец ее опередил.

– Мы вышли, Мэши. Вот теперь мы действительно покинули Город. Ты представляешь себе? Мы вне Города, Мэши.

В голосе его послышалось такое явное облегчение, что Мэши на мгновение остановилась.

– Думаешь, что дальше нам нечего бояться? Разве там дальше не находится Настоящая Земля?

– Да, такое там есть. Но мы пойдем по скалам. В здешних местах проходят несколько горных хребтов. Около них не строят Городов, потому что они не располагаются кругом и местами на них растут леса. Обычные деревья, не Гиганты. По крайней мере так было раньше, еще до твоего рождения, когда я только пришел к Городам.

Перед ними распростерлась равнина, на которой прямоугольными обелисками тут и там поднимались высокие камни. А дальше, у горизонта, ломаным черным изображением проступил Четвертый Город – его сторожевые башенки хорошо просматривались на фоне розовеющего Буймиша. Между Третьим и Четвертым Городом оказалось совсем небольшое расстояние.

– Куда теперь? – спросила Мэши, всматриваясь в даль.

– Мы пройдем по этой равнине и спустимся вниз. Там дальше должны быть заброшенные ущелья, которые наши ополченцы называют Гиблыми. Вот по ним и спустимся.

– А почему они Гиблые? – снова задала вопрос Мэши, внимательно глядя под ноги и перешагивая крупные камни с острыми боками.

– Потому что в них разбилось много наших. Приземлиться в тех местах практически невозможно – слишком узкие проходы и слишком отвесные вершины. Ящеры теряли высоту и падали. Мало кто оставался в живых после такого падения…

Мэши поежилась. Если бы она осталась в Городе и ей выпал жребий, то пришлось бы учиться летать на ящерах-пангусах. Чтобы сражаться с железными драконами, нужны летающие ящеры. Только так ополченцам удавалось оборонять границы и сражаться с постоянно нападающими Всадниками.

Пангусы добродушны, у них длинные клювы, кожистые крылья и маленькие красные глазки. Мэши не раз кормила молодых пангусов в питомнике Третьего Города. Они так смешно щелкали светло-коричневыми клювами и так жадно набрасывались на крупные зерна мукокки и на мягкие, чуть подсушенные ягоды хисиемы, что Мэши и ее подруга Ганиша громко смеялись и называли их маленькими жадюгами. А пангусы лишь косились красными глазами да проворно хватали еду.

В их клювах росли небольшие плоские зубы, которыми они сухо щелкали, пережевывая пищу. А коготки на лапках еле слышно стучали по каменному полу, присыпанному соломой мукокки.

А теперь Мэши никогда больше не будет кормить пангусов. Никогда…

Мэши перепрыгнула еще один камень и заторопилась за отцом.

Зато она никогда не свалится в Гиблое ущелье и не разобьется там о камни. И никогда не погибнет от огня железных драконов. Если только у них с отцом получится добраться до Плавающих домов…

Глава 2

Мэши. Лес укроет от своих

1

Фиолетовая ночь опускалась на землю звездным куполом, и только огромный Буймиш разгонял мрак, разливая розовый неуверенный свет. Камни, поднимавшиеся повсюду, напоминали прямоугольные столбы с обломанными верхушками, и их тени, точно сигнальные линии, перечеркивали долину.

Мэши с отцом спускались по склону, и ей казалось, что идти не так уж и тяжело. Тело само неслось вперед, а странный вид каменистой местности завораживал. Такого ей видеть еще не приходилось. Да и как бы она могла заглянуть за границы Города?

Окна всех домов выходили внутрь каменного кольца гор, а на сторожевые башни детей никогда не пускали. И сейчас Мэши даже забыла страх – так удивляли ее странные ровные каменные обелиски. Как будто их поставили тут специально. Выточили, придали правильную прямоугольную форму. Откуда здесь взялись эти камни?

Мэши спросила отца, но тот отмахнулся и быстро проговорил:

– После. Сейчас нам надо благополучно миновать эту местность. Нас могут разглядеть со сторожевых башен, потому держимся в тени и шагаем быстро.

И Мэши припустила следом за отцом с удвоенной скоростью.

Они прошагали всю ночь, обогнули горные хребты Третьего и Четвертого Городов. Оба они были окружены странными камнями-обелисками. А дальше земля стала более темной, покрылась травой, узкой и извивающейся. Таких трав Мэши сроду не видела. В Третьем выращивали злаки – длинненькие стебли с крошечными горошинками зерен по краям. И еще стручковые – крупные твердые шарики желтого цвета, в кожистой оболочке. Ниаху, нишуи, намия – все это употреблялось в пищу. Из ниаху получался отличный суп, надо было только побольше добавить муки из мукокки да накидать ароматных приправ.

А тут завивающиеся стебельки цеплялись за штанины, обхватывали щиколотки нежно, мягко. И их прикосновения пугали, казались неприятными, зловещими. Мэши и сама не могла понять почему. Но торопилась, торопилась.

Через несколько часов ноги загудели от усталости, словно в каждом ботинке появились тяжеленные камни. Но отец и не думал останавливаться. Шагал вперед и вперед. Города остались за спиной, каменные обелиски тоже. И перед путниками вырос сероватый холм, весь покрытый деревьями. Обычными деревьями, не Гигантами.

В Городах не разводили даже обычных деревьев, осторожничали. Потому Мэши их видела только на нарисованных картинках да на плакатах в теплицах; там были представлены изображения всех видов растительности, что водилась на Эльше.

А тут, залитые розовым светом, они поднимались на фоне Буймиша большими, толстыми стволами. От самой их макушки отходило множество лениво шевелящихся длинных ветвей, которые склонялись почти до земли. На каждой ветке завивались тоненькие усики – Мэши могла рассмотреть каждый завиток. Потому что Буймиш в этих местах не закрывали склоны Городов, и он свободно сиял над равниной, над холмом и над деревьями.

– В этом лесу и передохнем. Совсем скоро поднимется Светило, – сказал отец, останавливаясь перевести дух и оглядываясь назад, словно прикидывая, какой большой путь им удалось пройти за ночь.

– Ты что? Как же мы будем спать в лесу? Среди деревьев? – буркнула Мэши, тяжело дыша после быстрой ходьбы.

Что это он придумал? Идти прямо в лапы к деревьям, пусть и не Гигантам? Так это верх глупости!

– Здесь есть удобные скалы, они на самой макушке холма выступают, как проплешины. Вот там и отдохнем. Я же тебе говорю: я знаю дорогу. Так что, Мэши, нам осталось с тобой совсем немного – только подняться на холм.

– Отец… Как же мы…

– Очень тихо и спокойно. Сейчас проведу. Если только тут не изменилось все за последние пару десятков лет. Но что-то мне подсказывает, что вообще ничего не изменилось.

– Почему? Почему ты думаешь, что все осталось по-прежнему, как в те дни, когда ты был молодой и только пришел в Город?

– Потому что некому менять. Люди в этих местах не бывают. Тут, Мэши, не ступала нога человека уже очень и очень давно. Мы будем с тобой первыми за

два десятка лет, наверное. Всадникам здесь тоже делать нечего. А деревья эти, с длинными ветками, – они совершенно несъедобные. Использовать у них можно только древесину, она достаточно крепкая. И цвет у нее должен быть красивый, темно-коричневый, с черными прожилками. Вот только после Железной войны люди уже не используют древесину и вырубать эти деревья некому. Вот посмотри, Мэши, как они сильно разрослись.

Чем ближе Мэши подходила к лесистому холму, тем выше и мощнее становились деревья. Стволы у них оказались гладкими и такими толстыми, что Мэши вместе с отцом не смогли бы обнять их. Землю покрывали завивающиеся усики от веток, изящные и гибкие. Мэши вдруг пришла мысль, что деревья создают свой узор на земле. Серые завитки на бледно-зеленой траве.

И они шевелились еле заметно, с тихим шорохом. Перекатывались, передвигались, меняя узор. То ли от ветра, то ли еще от чего. Едва Мэши с отцом вошли под сень леса, как древесный шорох заполнил все пространство. Переговариваются деревья, что ли? А вдруг действительно переговариваются и желают поскорее заполучить новую пищу?

– Деревья едят людей? – спросила Мэши, хватая отца за руку.

Отец сжал ее ладонь, оглянулся и еле заметно улыбнулся. Заговорил, и в голосе его послышались теплые и немного веселые нотки.

– На самом деле нет. Эти деревья – они же обычные. Не Гиганты. Они питаются через свои корни, получают соки из земли. Соки и воду. Земля питает их, понимаешь? Та самая Настоящая Земля, которой мы так боимся. Именно она и нужна деревьям. И Гигантам, между прочим, тоже нужна такая земля.

– А в школе Айгуши учила нас, что Гиганты убивали людей, съедали живьем, утаскивали под землю.

– Да, я знаю, вас хорошо пугают в школе. Но я-то вырос не в Городе, я пришел с Плавающих домов. А там нас такому не учили. И сама подумай, если бы Гиганты питались людьми, что бы им помешало преодолеть Городские горы и напасть? Если мы для них пища, то ради пищи можно сильно постараться. Всадники вот стараются и нападают, и горы им не преграда.

Отец поднимался на холм с завидным упорством, не останавливаясь, не переводя дыхание. Мэши еле поспевала за ним. И, с трудом преодолевая усталость, она думала, что такого отец не говорил еще ни разу.

– А помнишь место у Длинного океана, которое называется Соленой равниной? Там вся земля перерыта, остались одни развалины. Место Печали и Памяти, помнишь? Там погибли мирные люди, и это Деревья их уничтожили. Говорят, что даже костей человеческих не осталось, – Гиганты все перемололи. Это ведь Гиганты сделали, и это было на самом деле.

Изображения Соленой равнины были во всех школьных книгах. Раз в год, когда Буймиш опускался к самому горизонту, люди в Городах вспоминали гибель прошлой цивилизации. Тогда гудели и гудели полоски металла Габуиши, а к каменным обелискам в центре Городов дети верхом на ящерах везли и везли сплетенные в венки злаковые и ветки хисиемы с ягодами. Это для того, чтобы никогда не забывать о тех, кто погиб в Железной войне. Печаль и Память – вот о чем говорили в те дни. И неизменно вспоминали место массовой гибели мирных людей. Ведь когда-то именно в Соленую равнину (прозванную так в честь очень соленой воды в Длинном океане) мужчины свезли свои семьи. Женщин, стариков и детей. Построили для них убежища и надеялись, что их родные уцелеют. Как деревья смогли пробраться к океану? Это учителя не знали. Но Гиганты жестоко отомстили людям, никто не уцелел в Соленой равнине. Никто.

И оказалось, что у людей почти не осталось женщин и детей. Почти не осталось возможности продолжить свой род. Деревья-Гиганты побеждали, забирали себе всю планету, вытравливая людей как вредных насекомых. Методично, безжалостно, верно. И если бы не Города Жизни, никого бы сейчас не осталось.

Наш народ выживет в Городах, и мы еще много раз увидим, как поднимается в зенит Белый Буймиш…

Они и выживали в Городах.

– Кто его знает, что произошло на самом деле в Соленой равнине? – только и сказал отец и зашагал еще быстрее.

Буймиш бледнел на глазах, небо занималось ярко-розовым, трава меняла цвет, становясь более светлой. Защелкали клювами путоки – мелкие летучие ящерки с

длинными хвостиками. Вылезли откуда-то мохнатые черви, приходилось то и дело перешагивать через них. Такими вот червями кормили ящеров в питомниках. Мальчишки любили выхватывать их из пластиковых коробок и пугать девчонок. Особенно старался Лей, бегал за Мэши и совал ей под нос извивающуюся коричневую гадину. А Мэши визжала, смеялась и старалась пнуть Лея, но несильно.

Если Лею выпадет жребий, он уйдет и не вернется. И тогда в его доме тоже поселится тишина. У родителей он всего лишь один, не всегда получается у людей иметь детей, это одна из проблем Города. Вот такая судьба – скажут тогда старейшины Третьего Города.

А Мэши не хотела для себя такой судьбы, и отец не хотел. Вот потому они и торопятся сейчас, спешат под сень деревьев. Чтобы утренние лучи Светила не застали их на открытом месте.

– Мы спрячемся в лесу? – уточнила Мэши.

– Да, мы так и сделаем. В удобном месте, на вершине холма.

– Теперь деревья нам помогают, так, что ли?

– Мы просто воспользуемся прикрытием их ветвей и тенью, которую они дают.

Отец вовсе не унывал. Наоборот, он становился все веселее и веселее. Как будто дорога, которая им предстояла, казалась ему приятной и увлекательной. И даже интересной.

А Мэши так устала, что отдала бы все на свете за возможность поспать в своей нише, в удобной кровати, на удобном матрасе. Укрыться теплым одеялом, а перед этим забраться в душ и постоять под горячей водой, чтобы согреться.

Они с отцом забирались все выше и выше. Деревья тут были настолько высокими, что приходилось задирать голову, чтобы хоть немного рассмотреть вершины. Под ногами росли длинные ветки с узкими полосками зеленоватых листьев – то ли трава, то ли еще что. Мэши не знала названия всех этих растений. Они никогда не росли в Городах, их не разводили в теплицах. Потому,

наверное, что они не представляли собой пищевую ценность. Так учили в школе.

В природе человеку ценно только то, что может принести пользу. Все остальное – не нужно. Все остальное – лишнее, оно лишь зря занимает место на планете. Мэши грустно улыбнулась, вспомнив школьную науку.

Деревья заняли слишком много пространства и вытеснили людей на скалы и в пустыню – Всадники жили именно в пустынных местах.

– Посмотри туда, – вдруг сказал отец.

Мэши подняла голову и увидела на одном из стволов диковинную мелкую ящерку, чьи крылья были покрыты разноцветными перьями. Зубастый клюв ящерки медленно раскрывался и закрывался, глазки злобно следили за непрошеными гостями. Вся она подобралась, приготовилась.

– Надень капюшон! – резко приказал отец, и Мэши тут же послушалась.

И вовремя. Потому что разноцветная ящерка разразилась вдруг яростным криком, таким резким, что Мэши вздрогнула и присела от неожиданности. С соседних стволов сорвался сразу десяток таких же рептилий и понесся куда-то в сторону. Посыпалась шелуха древесной коры и мелкие ветки, вздрогнули завитки на земле, закачался лесной шатер, переходя в движение. И Мэши порадовалась, что летящий мелкий мусор не застрял в ее кудрях, иначе пришлось бы долго его вычесывать.

– Вот тут мы и передохнем, – сказал отец, обернулся, спросил: – Ты как? Не испугалась?

– Тут, наверное, и большие ящеры водятся? Вдруг нападут?

– Мы узнаем о приближении кого-то большого благодаря вот этим тварям. Они потому так и кричат – это знак предупреждения для остальных обитателей леса. О нас с тобой теперь знает вся живность в ближайшей округе. Здорово у них придумано, верно?

– Что придумано? – не поняла Мэши, все еще пугливо оглядываясь.

– Система оповещения. Я читал об этих ящерках в старых книгах, которые сохранились в Плавающих домах. Ящерки эти – стражи леса. Криком они сообщают о чужаках. А теперь смотри: вот скалы, о которых я тебе говорил. Они очень удобны для ночлега. И даже костер мы на них разведем.

– А разве можно? Нас же найдут.

– Вряд ли увидят наш костер со сторожевых башен, мы довольно далеко успели уйти. Так что, Мэши, мы заслужили с тобой хороший отдых.

2

– Нет, ветки для костра нам рубить не надо. Мы их просто соберем под ногами, сухие. Мне бы и в голову не пришло рубить в здешних местах деревья. Это все равно что самоубийство. Деревья бы вмиг ополчились на нас.

– Думаешь, они нас слышат?

– Несомненно. Они всегда все слышат, Мэши. И нам надо показать, что намерения у нас самые добрые. Мы с тобой соберем сухих веток, благо их тут полным-полно. После разведем костер, и я приготовлю простой супчик из ниахи. А затем мы ляжем спать. Вот и все дела.

Мэши устроилась на самом краю неровной скалы, одна сторона которой была значительно выше другой и защищала от ветра и от побледневшего света Буймиша. Отец походил самую малость рядом со скалой, а когда вернулся, в руках у него оказалась целая охапка сухих веток – длинных и завивающихся потемневшими усиками.

– Вот и все дела, – весело повторил отец. – Не думаю, чтобы Гигантам было хоть какое-то дело до маленькой девочки и ее отца. Гиганты больше всего ненавидели машины, которые были у людей. Железные машины, приносящие смерть и срубающие сразу по несколько деревьев. По крайней мере так вас учили в школе, да?

Мэши устало кивнула.

– А теперь нам бы найти воду в здешних местах. Видишь вон те растения с длинными ветками и тонкими полосками листочков? Они всегда растут там, где есть вода. Рядом с ними мы не останемся без воды.

– Думаешь, найдем тут ручей или речку?

– Конечно. Нам надо что-нибудь попить и умыться. Правильно? Сиди здесь, а я пойду и поищу. А тебе, чтобы не скучала, вот кого оставлю…

Отец тряхнул свой рюкзак, запустил в него руку и долго что-то выискивал. А после положил на скалу круглый шар из блестящего металла размером с мужской кулак. Нажал на невидимую кнопочку, а в образовавшееся отверстие сунул энергетический камень.

И тут же шар заблестел, засиял голубоватым светом. Из него выдвинулись тонкие ноги и два выпуклых глаза. Показались небольшие ручки со смешными пальчиками.

– Зачем ты взял этого леку? – усмехнулась Мэши, глядя на то, как шар оглядывается вокруг себя и осторожно переставляет ноги.

– Чтобы охранял нас во время сна. Пригодится еще, – с улыбкой сказал отец и зашагал вниз к странным растениям и высоким деревьям.

С лекой действительно было веселее. Тот бестолково блуждал по скале, пытался спрыгнуть на землю, но Мэши категорично запретила ему это делать. Лека раньше занимался уборкой у них дома. Это получалось у него просто отлично, он мог доставать до самых укромных углов. Двигал впереди себя всасывающую машину, поднимал мелкий мусор, складывал стопочкой одежду. Его тонкие маленькие пальчики на самом деле были очень проворные.

Только вот Хамийе почему-то терпеть леку не мог и при каждой уборке забирался на кровать Мэши и оттуда возмущенно поглядывал, прищелкивая мелкими зубками.

Говорить лека не умел, только посвистывал в знак согласия. То есть если он понял просьбу, то свистел низкими частотами, словно соглашаясь с приказом хозяина. А если не понимал, то свист взлетал высоко и приобретал какую-то удивленную окраску: мол, что-то не то толкуешь, хозяин, давай-ка разъясняй.

Лека весь состоял из Живого металла – того самого, из которого во время Железной войны изготавливали всех роботов. В школе рассказывали, что раньше роботы были самые разные и их было очень много. Они строили города, расчищали землю, сажали злаковые и вырубали деревья. И будто бы даже воевать умели.

Теперь роботов уже не делали. Во-первых, для них нужен был Живой металл, а его вовсе не было в Городах Жизни. Ни одного месторождения, ни одного родничка. А во-вторых, после войны не осталось ни заводов, ни мастеров. Те, кто умел и понимал в роботах, – все погибли. Другими словами, люди навсегда утратили былые навыки и умения.

Остались только леки – грузовые контейнеры с этими роботами уцелели в одном из горных складов. Считалось, что это просто небывалое везение. Правда, использовать леков можно было только в небольшом домашнем труде. Убрать, присмотреть за домашними животными или за детьми, и все. Даже для переноски легких грузов они не годились. Так, развлечение для домохозяек. Возможно, для того леков когда-то и создавали. Кто же сейчас знает это?

Леки заряжались с помощью небольших энергетических камней, а камни, в свою очередь, набирали энергию на ветровых и световых установках. А есть ли, интересно, хоть какая-нибудь энергия в Плавающих домах? Надо будет спросить об этом отца. А то вдруг они придут, а там вместо лампочек – свечи или еще какой-нибудь примитивизм? И сиди себе в темнотище, перебирай руками зерно да мели муку на ручной мельнице. Ведь именно так небось делают Всадники. Говорят, что у Всадников и городов толковых нет, одни палатки на песке…

Отец появился быстро, принес воды в котелке, ободряюще посоветовал Мэши не унывать и принялся за костер. Огонь вблизи Мэши не видела ни разу в жизни, только слышала про него немного. В Городах готовили на энергетических печах, тепло получали тоже от них.

И теперь она с удивлением и непонятной радостью наблюдала, как занимались сухие ветви, как пробегало по ним робкими язычками оранжевое пламя и как тепло становилось при этом. Но радости скоро поубавилось. От костра, кроме тепла, еще шел дым, довольно неприятный и едкий. Валил прямо в глаза, и приходилось жмуриться и отворачиваться.

– Дымит так, что и смотреть нельзя, – пробурчала Мэши, отодвигаясь в сторону.

– Это ничего, привыкнешь, – невозмутимо пообещал отец, пристраивая над огнем три длинные сухие палки.

– А это зачем?

– Для котелка. Суп сейчас сварим, понятно? Тут тебе не Город, тут придется готовить себе самим. Каждый день, а не только в день дежурства по Уровню.

Мэши пожала плечами и взялась помогать отцу. Хотя особой работы и не было. Закинуть в котел очищенные ниахи, добавить масла и приправы, после немного мукокки – и жди себе, когда суп сварится.

– У меня еще есть вяленое мясо, его добавим в конце. И наедимся, вот увидишь. Суп окажется таким вкусным, что пальчики оближешь, – усмехнулся отец.

– Это почему? – недоверчиво удивилась Мэши.

– Да потому, что ты устала и сильно проголодалась. Хорошее путешествие дает хороший аппетит. И спать будешь без задних ног, и даже не вспомнишь, что под спиной вовсе не мягкий матрас.

– Ну да, не вспомню… Вот как раз о матрасе и одеяле очень даже вспомню. От скалы у нас с тобой быстро спины заболят. Ох…

Мэши вздохнула, погрустнела.

– Лучше бы не вписывали они имена девочек на жребий, отец. Лучше бы сидеть нам сейчас у себя дома. И как там наш Хамийе?

– С ним все будет в порядке. Если очень уж приспичит, он выберется наружу, ты же знаешь. Так что не переживай. С ящерицей мы бы не смогли идти так быстро. А если он вздумал бы от нас убежать, точно достался бы на обед какому-нибудь хищнику.

– Как бы нам самим не достаться.

– Мы не достанемся. С нами все будет хорошо…

Неугомонный лека сунулся к огню, но тут же отпрянул, тонко свистнув.

– Это не для тебя, Лек-Ши, – строго сказал ему отец, – держись в стороне.

Лек-Ши было домашним прозвищем маленького робота.

– Он тоже первый раз видит огонь, – усмехнулась Мэши, – ему тоже интересно. Ты же знаешь, какие они любопытные.

– Ничего, пусть придержит свое любопытство. Все лучше, чем обгореть. Огонь может обжечь, и очень сильно. И ты тоже близко не суйся, а то и не заметишь, как пламя перекинется на волосы или на одежду.

– И как ты только додумался до того, чтобы развести огонь?

– Так в Плавающих домах всегда еду готовили на огне или на печи.

– А где вы столько сухих веток находили, дома-то на воде?

– А-а-а, у жителей Плавающих домов полно всяких хитростей. Мы не сухими ветками топили, мы использовали торф. Это такая особенная болотная земля. Около нас болот было достаточно, а где они, там и торф. Мы выкапывали его кусками, сушили и топили им. Еще делали из него кирпичи для строительства – это довольно удобно.

– Почему удобно? Мне кажется, что возня одна. И огонь слишком уж дымит. Гораздо лучше, когда дом прогревается от энергетических батарей. И не надо никакого торфа.

Отец только улыбнулся в ответ.

3

Земля казалась черной и мягкой. Ступи ногой – и провалишься по колено. Местами она вспучивалась, пузырилась и время от времени издавала глухой, утробный звук, похожий на недовольное ворчание. И вдруг из одного холмика вылез тоненький белый корешок. Зазмеился, потолстел на глазах. Вытянулся в сторону Мэши. Он полз без остановки, а за ним показались еще корни, много белесых корней. Они переплетались между собой, собираясь в причудливом узоре, в бешеном хаосе изгибов. Еще пару мгновений – и Мэши оказалась в окружении переплетенных корней.

Ей бы закричать – да в груди не стало воздуха, горло сковало ужасом. Показался впереди огромный ствол, гладенький, с легкими желтыми разводами на коричневом. Кора – словно кожа, ровная, безупречно прилегающая к дереву. Это Дерево-Гигант, это его корни плетут сеть вокруг Мэши. Дерево желает есть, оно голодно, и вот прямо на глазах разверзается ствол, точно гигантская ненасытная пасть, и мелкие острые зубки скалятся в голодной усмешке…

Мэши наконец скинула оцепенение и закричала. И тут же проснулась.

Вокруг было светло и тепло. Светило клонилось к краю леса, путаясь в верхушках деревьев. Щелкали, покрикивали вокруг мелкие ящеры и разные птички, название которых Мэши и не знала. Она лежала внутри спального мешка, и ей было жарко. Рядом, в своем спальном мешке, ровно дышал отец. Мэши всмотрелась в родное лицо и улыбнулась. У отца был высокий, выпуклый лоб, точно такой же, как и у нее самой. И вьющиеся, коротко подстриженные волосы. Лишь около шеи были оставлены более длинные прядки, которые закручивались тугими кольцами.

Мама раньше говорила, что у отца лоб ученого. Мол, у него всегда такое умное выражение лица именно благодаря лбу. Отец действительно работал с энергетическими установками, где требовались большие знания и профессионализм. Еще у отца были светло-голубые глаза и крошечная родинка

рядом с носом. И небольшой шрам у виска – ударился когда-то при нападении Всадников на энергоустановки.

Мэши больше походила на мать – это в доме говорили все. Такие же зеленые глаза, тоненькие бровки и аккуратные губы. А вот лоб и волосы – это от отца. Кудри до середины спины, которые она прихватывала по бокам заколками-зажимами и которые каждое утро долго и мучительно расчесывала.

Рядом с отцом невозмутимо притопывал на месте Лек-Ши. Таращил сероватые глаза и медленно шевелил длинными, тоненькими пальчиками.

– Значит, Лек-Ши, спалось нам хорошо и никто нас не потревожил? – спросила его Мэши, особенного ответа и не ожидая.

Робот лишь коротко свистнул в знак того, что не понял, чего от него хотят.

– Стой тут и карауль отца, понял? Я пойду умоюсь. Вода должна быть тут недалеко, отец вчера вернулся очень быстро.

Мэши выбралась из мешка, проворно надела ботинки, щелкнула зажимами на них и спрыгнула вниз. Задрала голову и улыбнулась медленно шевелящимся кронам деревьев. Сон, конечно, приснился дурной и страшный, но это потому, что ночевали они в чужом месте и слишком устали от долгой ходьбы. Хотя… Вдруг это деревья отправили ей предупреждение?

Большие камни, круглые и теплые, громоздились на расстоянии нескольких шагов один за другим. Около них не росли деревья, и получалась небольшая проплешина в лесу. Возможно, потому, что именно тут поднималась снизу скала и слой Настоящей Земли был совсем небольшим. Мэши помнила, куда поворачивал вчера отец, когда ходил за водой. Вот за этот валун, от которого вел небольшой спуск вниз, к узенькому оврагу. А там, в овраге, и протекала мелкая речушка, которую можно было перейти вброд. И даже колен, наверное, не замочить…

Мэши наклонилась к воде и напилась, черпая ее пригоршнями. Отец говорил, что чище здешних рек не найти, загрязнять их некому, и на водопой сюда могут приходить разные животные. Ящеры всякие да травоядные копытные, которых тут должно водиться в изобилии. Вчера они с отцом, правда, только мелкотню

всякую встречали. Это потому, что ушли недостаточно глубоко.

Но отец сказал, что из леса они выберутся, – ведь глубоко забираться в эти места опасно. Здешние ящеры могут вырастать очень большими.

Вода показалась теплой, и Мэши, скинув одежду, залезла по колено в речку и проворно искупалась. После вернулась обратно и принялась прыгать по влажной траве, надеясь хоть немного обсохнуть. Схватилась за рубашку, оглянулась на воду и замерла. По гладкой, медленной поверхности реки шла еле заметная рябь. Будто что-то вздрагивало внутри реки. Будто кто-то большой и сильный тревожил землю…

Мэши оглянулась и еле подавила крик. Вдалеке, за деревьями, медленно шествовали огромные ящеры. Вдоль хребтов у них поднимались треугольные шипы от головы до самого хвоста. Маленькие морды глупо таращились вперед, а гигантские ноги походили на стволы деревьев.

Мэши мгновенно впрыгнула в штаны, накинула куртку и бросилась бежать. Надо предупредить отца. Вдруг эти твари вышли на охоту? Они в два прыжка догонят и Мэши, и ее отца. И на леку наступят и даже не заметят…

Отец уже успел проснуться и теперь беспокойно ее выглядывал.

– Мэши, нельзя так делать, – тут же принялся он выговаривать, – ты не должна без предупреждения уходить. Надо было разбудить…

– Па, там ящеры! Здоровенные! Куча целая ящеров! Надо уходить… или прятаться… Я не знаю…

– Где? – Отец вмиг стал серьезным.

– Внизу, у реки…

– Уходим. Выключай леку.

Отец действовал быстро. Свернул спальники, упрятал в рюкзак посуду, застегнул зажимы на ботинках. И в этот момент Мэши почувствовала, как еле

заметно задрожала земля под валунами.

– Они идут прямо на нас, – проговорил отец, хватая Мэши за руку. – Давай-ка вниз, вон туда.

Он махнул рукой на густые ряды высоченных стволов, гладких и ровных, с огромными пышными листьями где-то на самой макушке. И они побежали. Рюкзаки за спинами немного мешали, замедляя движение, зато подгонял страх оказаться под ногами ящеров. Отец явно рассчитывал, что там, куда они бежали, стволы деревьев растут слишком густо, чтобы ящеры могли через них пробраться. И Мэши совсем некстати подумала, что деревья опять укрывают их. Сначала они прятались от своих дозорных. Теперь ищут укрытия от ящеров. И это за какой-то один оборот Эльши.

Они успели добежать до спасительного места как раз вовремя. Стадо травоядных мганси ступило на полянку, и земля загудела под тяжелыми ногами. Они двигались медленно, спокойно. Жевали на ходу ветки деревьев, высоко поднимая головы. Длинные шеи и длинные хвосты придавали равновесие их толстым телам. Рядом бежали мелкие детеныши и время от времени гудели, требуя к себе внимания.

– Осторожно! – вдруг выдохнул отец в самое ухо Мэши и дернул ее на себя.

Мэши чуть не упала, отступая за отцом. Совсем рядом с тем местом, где она только что стояла, появился мелкий зубастый ящер, следом еще один и еще. Они выбирались из кустов, перепрыгивали кочки. Один из них оскалился на отца и Мэши, щелкнул зубами, но у отца был парализатор. Один щелчок – и зубастая тварь упала на землю, удивленно раскрыв пасть и так и не поняв, что с ней произошло.

Отец попятился, двигаясь вглубь леса, повернулся и велел:

– Надо уйти отсюда. Видимо, началась дневная охота. Быстро!

И Мэши уже не оглядывалась, хотя за спиной то и дело раздавалось щелканье, гудение, ворчание и разный другой шум. Вот взревел один из больших мганси – видимо, мелкие хищники навалились на него всем скопом. Следом жалобно заныл кто-то из мелких.

Отец все дальше и дальше заходил в чащу, придерживаясь каких-то своих ориентиров.

– Мы выйдем отсюда чуть южнее, – на ходу пояснял он, – хотя лес за последние двадцать лет мог здорово разрастись. Главное – не теряться, Мэши. Главное нам с тобой сейчас не растеряться.

Шум битвы остался далеко позади, когда они оба вдруг вынырнули на широкую прогалину. Их взглядам предстали каменные валуны и огромный блестящий остов чего-то, что раньше было военной техникой. Или военным роботом?

Блестящий металл когда-то был Живым – он отливал синим точно так же, как и лека, и прошедшее время не до конца загасило его блеск. Длинный, вытянутый нос у этой штуки остался совершенно целым, зато боковые ответвления развалились на несколько кусков, сквозь отверстия которых пробивались усики трав. На широких боковинах еле заметно проступали изображения диковинных букв и знаков, наполовину стертых и давным-давно утративших свое значение.

– Что это? – тихо спросила Мэши.

– Пойдем внутрь. Животные не любят Живой металл и избегают его. В этой штуке мы будем в безопасности, – велел отец.

Глава 3

Мэши. И птицы могут падать на землю

Животные действительно не любили Живой металл. Хамийе – тот шипел и щелкал челюстями на маленького леку. Мэши хотела спросить отца «почему?», но не успела. Отец взял ее за руку и потянул за собой внутрь мертвого остова.

Что это было? Летучий дракон? Или другое какое приспособление? Может, гигантский рубщик деревьев? Оплавленные, потерявшие формуй почерневшие останки верно хранили свои тайны. Чуть больше двухсот Буймишей минуло с той поры, как они остались лежать на земле забытые и никому не нужные.

Внутри было сумрачно и тихо. Лучи Светила пронизывали пробитый верх и ложились на замусоренное дно ровными светлыми полосами. Мэши опустила голову, стараясь не споткнуться о камни или обломки, почувствовала, как что-то хрустит под ботинками, неловко переступила и шепотом ойкнула:

– Папа… посмотри, пожалуйста.

Отец, увлеченный какими-то более-менее сохранившимися изображениями на стенах, оглянулся, нахмурился. Быстро присел на корточки и взял то, на что наступила Мэши. После сказал:

– Это человеческие кости. Они очень хрупкие, видимо, сначала обгорели, а потом и высохли от времени. И сохранились только потому, что лежали внутри Живого металла. Их много, Мэши, оглядись.

Мэши еле подавила в себе желание броситься вон, на воздух. Она никогда не видела останки людей даже на картинках. А тут по всей земле валялись человеческие черепа, ребра и еще какие-то кости. Много костей. И черепа были совсем маленькие. Слишком маленькие…

– Это же дети… – выдохнула Мэши.

– Да, в этом приспособлении перевозили детей. Видимо, хотели уберечь от войны, – устало проговорил отец. – Хотели сохранить детям жизнь, но не уберегли. Кто-то подбил их…

– Деревья, кто же еще? Клятые Гиганты…

– Деревья не сжигают, Мэши. А здесь бушевало пламя.

– Потому что машина упала и загорелась. Тут все понятно.

– Она бы загорелась изнутри, Мэши. А тут передняя внутренняя панель уцелела. Это говорит о том, что пожар начался снаружи, посмотри сама. Мало того, на панели остались выбитые надписи. Древние люди общались с помощью Живого металла, он мог запечатлевать на себе символы, картинки – любое смысловое послание, какое прикажут. Вот посмотри, что осталось на панели. Целенькая, несмотря на двести Буймишей с лишком.

Мэши несмело приблизилась, стараясь переступать через кости и гибкие стебли растений, протянувшиеся через всю развалину. Овальная передняя часть, закрытая и гладкая – ни окошек, ни отверстий, – действительно уцелела. Почерневший металл, давным-давно переставший быть Живым. Этот металл уже не мог черпать энергию от солнца, не мог двигаться, не мог реагировать на чувства людей. Из него даже нельзя было сделать какую-нибудь полезную вещь. После своей смерти он стал совсем хрупким и не выдержал бы никакого напряжения.

По краям панели виднелись выпуклые, словно выдавленные изнутри знаки. Их покрывала пыль и древесная труха, но разглядеть все равно можно было.

Вот огромная птица, раскинув крылья, парит в пространстве. Клюв у птицы острый, голова довольно большая. Но лапы и когти на лапах маленькие. Вот рядом с птицей изображены крохотные одинаковые фигурки, а возле них – длинный ряд точек, тоже выпуклых и гладких. Мэши не удержалась и провела по ним указательным пальцем, ощущая холод и гладкость погибшего металла. Рядом с точками огонь, еще ряд огня. И наконец, птица, охваченная огнем. И все, больше никаких знаков. Странное послание.

– Тут ничего не понятно, – буркнула Мэши и повернулась, намереваясь как можно быстрее выйти наружу.

– Наоборот, все как раз очень ясно. Посмотри, Мэши. Птица – это летающее средство, на котором перевозили детей. Маленькие фигурки – это дети, тут даже знак есть, видимо обозначающий количество детей. Огонь – это противники, нападающие на них. Птица загорелась, и все, кто в ней летел,

погибли.

– С чего ты решил, что птица – это летающее средство?

– Всадники летают на драконах из Живого металла. Только верхом, а не внутри. Вполне возможно, что раньше летали еще и на птицах, похожих на драконов. Тоже из Живого металла, только внутри они были полые и вмещали в себя людей. И ведь развалина действительно напоминает птицу. Крылья по бокам – как раз те обломки, что видны. Они с обеих сторон и довольно симметричны. Есть хвост, есть голова – то место, где мы сейчас находимся.

– Кто же их тогда подпалил? Гиганты? – Мэши поняла, что последнее ее предположение звучит глупо. Но других врагов она не могла вспомнить.

– А может, и не Гиганты. Железная война на самом деле началась не с Гигантов. Только у нас в Городах не любят об этом вспоминать.

– А с чего она началась?

– С того, что две державы не поделили месторождения Живого металла. Его становилось все меньше, и каждая страна понимала, что только тот окажется сильным, у кого будет достаточно роботов. Потому и старались силой получить власть над Живым металлом. Деревья появились позже, когда одна из сторон стала выигрывать и пыталась выкачать как можно больше Живого металла из недр земли.

– Нас такому не учили, – с сомнением проговорила Мэши и двинулась к выходу, с отвращением прислушиваясь, как хрустят под ногами кости погибших детей.

– Вас многому не учили.

– А ты откуда знаешь?

– Старые люди в Плавающих домах рассказывали. А они знали от своих прадедов. Так что, можно сказать, из первых рук. Почти.

– Значит, это во время войны погибли эти дети? От рук людей, что ли? Так выходит?

– Выходит, так.

– Это чудовищно, вот что! Наверняка это были предки Всадников – те, кто сжег детей. Они, эти Всадники, до сих пор не угомонились и все нападают на нас и нападают.

– Наши тоже не угомонились. Всадникам нужны энергетические камни. И немного еды им тоже нужно. Они пытаются выжить, вот и все.

– А мы при этом должны погибнуть? Ничего себе. Кто мешает этим Всадникам взять и самим выращивать еду и производить лекарства, вместо того чтобы летать на своих драконах?

– Возможно, у них нет подходящих условий.

– Это не значит, что надо красть у нас! И между прочим, братья как раз погибли из-за Всадников. Или ты забыл? Как ты можешь их оправдывать?

Мэши нахмурилась и выпрыгнула в траву. Отряхнула штаны, оглянулась на отца. Тот казался спокойным и немного задумчивым. Он еще раз оглядел развалины когда-то летающего приспособления, после сказал:

– Я всегда помню о сыновьях, Мэши. Но если бы не было этой войны, если бы мы просто договорились с Всадниками, то мальчики остались бы живы.

2

Светило опускалось к верхушкам деревьев, но все еще припекало, заливая лес красноватыми лучами. Небо стало розоветь, наливаясь густым цветом. И ни одного облачка, ни одной тучки. Все ясное и приветливое. Спокойное и улыбчивое. Даже деревья, что еле шевелились в почти полном безветрии, казались добрыми и безопасными.

Только Мэши им не верила. Она недовольно шагала за отцом и думала, что оправдывать Всадников нельзя. Кто бы ни развязал прошлую войну, сейчас виноваты именно те, кто летал на дурацких драконах, плюющихся огнем. Всадники заслуживали смерть вместе со своими жуткими драконами. Их надо убить всех и поселения их разрушить! Чтобы неповадно было! Это из-за них шагает сейчас Мэши по дикому лесу, вместо того чтобы сидеть в школе на уроках и работать в питомнике. Это из-за них мама ушла, оставив семью. Все плохое случается из-за Всадников, это точно!

Она поднялась следом за отцом на поросшую зеленым кустарником возвышенность, где трава была особенно густой и высокой, и остановилась, потрясенная.

– Вот это да! – тихо проговорил отец.

Перед ними опускалась вниз неровная чаша поляны, по краям которой росли раскидистые деревья с серыми ветками и яркими желтыми цветами. А посередине этой поляны дымился огромный дракон. Чешуя его потухла и уже не сияла голубоватым пламенем, глаза закрылись. Безвольные крылья распластались по земле. Длинные струйки дыма поднимались от головы, хвоста и кончиков крыльев. Все гуще, гуще…

– Надо бежать, он сейчас нападет! – вскрикнула Мэши, хватая отца за рукав.

– Нет, Мэши. Этот дракон уже никогда не полетит. Он умирает, он сейчас сгорит, превратится в пепел. Смотри.

И черная громадина вдруг вспыхнула ярким, быстрым пламенем, таким высоким, что Мэши невольно попятилась. Синие всполохи на миг ослепили, пришлось зажмуриться и отвернуться. Странный тонкий треск неприятно резанул по ушам, после перешел на низкий звук, напоминавший то ли скрежет, то ли стон. И все стихло, только слабо и устало полыхало голубовато-белое пламя.

– Что это с ним? Его подбили? – осмелилась наконец задать вопрос Мэши.

Отец обнял ее за плечи, прижал слегка к себе и задумчиво произнес:

– Дракон из Живого металла. А Живой металл умирает только так, в огне. Его сущность распадается на мельчайшие частицы, не связанные между собой и уже не способные воспринимать программы, заданные платой. Но сама плата должна остаться целой. Обычно перед смертью дракон извергает ее в коконе из Живого металла. Мы с тобой стали свидетелями удивительного события, Мэши. Мало кому из Городских довелось увидеть смерть дракона.

– Все равно не пойму, откуда он взялся?

– Это загадка. – Отец кивнул и принялся спускаться с пригорка.

– Ты куда? – нахмурилась Мэши. – Ты что, решил посмотреть?

– Стой тут, – уже распоряжался отец, стараясь ступать осторожно, чтобы не поскользнуться на шелковистой траве, устилающей гору, – не уходи никуда и гляди в оба. Где-то здесь может быть хозяин дракона. Если он, конечно…

Отец остановился, оглянулся, внимательно всмотрелся в стволы деревьев за спиной Мэши. После продолжил:

– …если он, конечно, не сгорел. Но мы с тобой не видели человека на спине этой твари, правильно?

– Отец, пожалуйста…

Мэши хотела попросить, чтобы отец не оставлял ее одну на пригорке, хотела напомнить об опасности, но дракон выпустил еще один высокий столб пламени, который на глазах поменял голубой цвет на бордовый, а после сменился розоватым дымом. Долину заволокло так, что фигура отца просто исчезла, и вскоре не стало видно ничегошеньки. Только едкий розовый дым, наползающий рваными хлопьями.

Мэши поморщилась, опустилась на корточки и обняла колени руками. Так, по крайней мере, она будет не слишком заметной. И может, дым скроет и ее от чужих глаз. А что, если Всадник жив и подкрадывается сейчас к отцу с заряженным арбалетом? Того и гляди, всадит в спину короткий болт, и тогда ничего уже не поможет.

Ну что за глупость? Зачем надо было непременно лезть к этой железяке? Недаром мама всегда упрекала отца в том, что он сначала что-то делает, а после думает. И вот сиди теперь и жди. И надейся, что с отцом ничего не случится…

Мэши сердито пнула камешек, и тот покатился вниз, подпрыгивая на ухабах. Миг – и он исчез в дыму. А оттуда раздался довольно бодрый голос отца:

– Мэши, спускайся. Тут все спокойно.

Ну да, прямо в самый туман и надо идти!

– Тут не видно ничего! – крикнула Мэши, наклонившись и почувствовав, как спадает напряжение. Отец жив и все с ним в порядке, можно вздохнуть с облегчением…

– Здесь хороший склон, не переживай. Зато посмотришь вблизи на дракона!

Зачем, спрашивается, смотреть на дракона вблизи? Зачем? Что в нем интересного? Кому он вообще нужен, дохлая железка?

Мэши боязливо наклонилась, стараясь рассмотреть землю под ногами, нервно дернула плечом, оглянулась.

А вдруг сейчас появятся Гиганты? Вдруг из-под земли вырвется длинный корень, обовьет Мэши за ноги и утащит вниз? Прямо под землю утащит, и отец даже не увидит, что с ней случилось…

О таком рассказывали бывалые люди, два брата Хеши и Нейс, которые жили у них на этаже. Их предку довелось сражаться в Железной войне, и он порассказывал своим внукам и правнукам и не таких страшилок.

Склон, конечно, не крутой и камней почти нет. Только трава да кусты местами. И дым начал рассеиваться, так что, оказавшись в низине, Мэши без труда рассмотрела и отца, и огромную темную груду, на глазах покрывающуюся трещинами. Местами сквозь провалы проступил остов, жесткий, темный, похожий на ребра. Кое-где в отдалении лежали остатки чешуи и даже поблескивали слабо и горестно.

Дракон был мертв окончательно и бесповоротно.

– Платы тут нет, вот это жалко… – пробормотал отец, отступая от черной сплющенной головы на пару шагов.

– Ее наверняка унес Всадник. А что, если он где-то тут и сейчас выстрелит в нас?

– Где? Поблизости его точно нет. Он был уверен, что дракон мертв, иначе бы не бросил его. И он знал, что дракон вот-вот взорвется и загорится, потому постарался унести ноги, это уж наверняка. А вот куда он направился…

Отец наклонился к самой земле, что-то напряженно высматривая в слегка примятой траве.

– Видишь ли, Мэши, это в воздухе Всадники умеют становиться невидимыми, а на земле они обретают вес. Потому оставляют после себя следы. Вот по этим следам и можно понять, куда направился Всадник. Видишь, трава в этих местах слегка прижимается вниз, а ветки кустов надломлены. Вот тут он и прошел, ручаюсь. Клянусь языком Хамийе, как говорил наш сосед Нейс.

– А может, это и не Всадник вовсе, а мелкий ящер побывал здесь совсем недавно? – с сомнением протянула Мэши, тщетно стараясь разобрать хоть что-то у себя под ногами.

– Во-первых, ящеры двигаются стадами и основательно потрепали бы кусты. Во-вторых, это были бы однозначно мелкие ящеры, потому что деревья дальше растут слишком густо для больших животных. Большие животные тут не смогли бы пробраться. А мелкие, достаточно мелкие, чтобы лезть в кусты, а не перепрыгивать через них, скорее всего, эти самые кусты обошли бы стороной. Вон там. И не надо терпеть колючки на своей шкуре. Кусты-то, Мэши, посмотри какие. Ты бы сама полезла через них? Разве что удирала бы, опасаясь взрыва. – Отец еле заметно улыбнулся, выпрямился и пояснил: – На склон он не полез, потому что не успел бы подняться. Потому ломанулся через колючки. Лишь бы уйти поскорее. И это, Мэши, был ребенок. Меньше тебя.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что кусты почти достают мне до плеч. И верхушки их остались нетронутыми. А внизу листья оборваны и местами вырваны колючки – видимо, там, где они вцепились в одежду. Всадник был невелик ростом. А зная их обычаи – посылать на вылазки совсем уж мелюзгу, я могу предположить это с уверенностью. Пойдем по его следам?

– Зачем? – совсем уж ничего не понимая, спросила Мэши.

– У него плата. Драконье яйцо. А это ценная находка, нам бы оно очень пригодилось.

– Что с ним делать? У нас же нет источника Живого металла.

– Плата сама по себе представляет ценность. Это все, что осталось от прошлой цивилизации. И к сожалению, обладают этой технологией абсолютные дикари. Обидно, Мэши. Обидно использовать таких восхитительных роботов, как драконы, для войны. Ведь они могли бы принести много пользы.

– Какая может быть польза от драконов? – спросила Мэши, осторожно обходя вслед за отцом колючие кусты.

– Да хотя бы перевозка грузов или пассажиров.

– Нас и так возят ящеры. И грузы тоже ящеры возят.

– Ну, а разве тебе не интересно было бы пообщаться с настоящим, живым роботом?

Мэши задумалась на мгновение, аккуратно убрала от лица ветку, всю поросшую колючками, и решительно ответила:

– Нет. Они злые и мерзкие, эти драконы.

Глава 4

Люк. Неудачная охота

1

Кулон из Живого металла еле умещался на ладони. Вытертый до синего блеска, он всегда был теплым, почти горячим. И всегда живым. Он показывал три изображения, меняя их каждые несколько секунд.

На квадратном гладком поле сначала появлялась летящая птица, у которой каждое перышко казалось четким и ясным, будто кто-то умелый и ловкий выгравировал их тонюсеньким резцом. Затем кулон становился совершенно гладким и пустым, как поверхность Слепого озера недалеко от здешней долины. И появлялся бегущий мальчик с длинными волосами. То, что это именно мальчик, не оставляло никаких сомнений. Длинные штаны, закатанные рукава рубашки и узкий меч за спиной мог быть только у маленького мужчины-воина.

Третьим изображением был профиль этого же самого мальчика, и тогда становилось ясно, что у него высокие скулы, крупные губы и большие глаза. Он походил на всех мальчиков клана Люка одновременно. Как общий, собирательный образ. Как обозначающая картинка.

Сейчас таких кулонов уже не делают, разучились. Утеряли драгоценные навыки навсегда. Сейчас только и умеют, что выводить драконов из яиц. Да и всех тех умений – опустить плату в Источник, а после вовремя кормить Живым металлом и наблюдать, как робот растет и матереет. Если сумел, значит, ты Всадник, и дракон будет слушаться тебя до самой смерти, до завершения круга, до появления нового яйца.

И тогда все начнется сначала.

Люк поднес к губам кулон, вновь изменивший картинку на поверхности, и слегка дыхнул на него. Считалось, что дыхание передает Живому металлу мысли и чувства его владельца. Это как общение, как добрый разговор.

Кулон приносил удачу. Всегда. Он передавался в роду Люка от прапрабабки, и уже никто не помнил, как он к ней попал и для чего был предназначен. Кулон сделали еще во времена Железной войны – войны за Живой металл. Старинная, древняя вещь, вобравшая в себя энергию многих поколений. Память о прошлом, которое осталось лишь зыбкой рябью легенд в умах нынешних жителей.

И теперь Люк, спрятав его под рубашку, не сомневался: у него все получится. Прямо сейчас.

Енси, огромный сизый дракон, лежал рядом, вытянув голову и сложив крылья. Он был неподвижен, ни одна чешуйка не шевелилась, и даже перепонки закрытых глаз не подрагивали. Енси находился в состоянии покоя. Он не дышал – драконы из Живого металла не дышат, они всего лишь роботы. Он не издавал никаких звуков, не реагировал на запахи и шорохи. Его не пугали прыгающие с ветки на ветку цетахи – мелкие ящерки с разноцветными перьями на хвостах. И даже крикливые путоки не вызывали беспокойства. Енси был безупречной машиной, послушной, умной и верной.

Люк, забравшись на горбатый камень, торчащий на поляне за лесом, всматривался в ясное розовое небо, на котором не видно было ни одной точки. Ни одного живого существа. Легкие белые облака где-то на горизонте, макушки гор, достающие до этих облаков. И широкая равнина, заросшая травой и длинными памельниками – растениями-кустами, у которых ветки извивались до земли, пуская воздушные корни, и расстилались по ней. В памельниках водились пушистые длиннолапые зверьки-кроусы. Норы у кроусов были аккурат под корнями кустов. А кроусов любили жрать дитхи – здоровенные ящеры с вытянутыми мордами. Твари эти вырастали в полтора человеческих роста, и их следовало бы опасаться. Но только не Всадникам – дракону хватает одного выдоха, чтобы сжечь ящера любого размера.

Но Люк думал вовсе не о дитхах. Он ждал сигнала. Хотя сам он не услышит ничего. Зато услышит Енси. Проснется, развернет крылья, вытянет голову и коротко рыкнет, приглашая хозяина.

Сигнал должны подать старшие Всадники его клана – они берут главный огонь на себя, отвлекая Городских ополченцев. Сейчас они, должно быть, пролетают над верхушками тех самых гор, что упираются в облака. Летят достаточно высоко, чтобы их не достали арбалетные болты, и время от времени драконы

выпускают пламя на склоны. Десять шагов времени – надо совсем немного, чтобы ополченцы кинули главный клич. Прогудят их железные полосы на башнях, бросятся все защитники на стены – и тогда наступит черед Люка с его Енси и младших братьев – Ника и Жака. И их дракона Хмуса.

У них задача посложнее, но не такая опасная. Они делают круг, подлетают к Городу, держась как можно выше и скрываясь в облаках. А после быстро спускаются и находят теплицы. Главная цель – всегда теплицы.

В этом Городе Люк еще ни разу не был. Он полетит первым, а потом передаст сигнал через Енси братишкам. В теплицах прихватывают ящики с зерном, грузят на спины драконов – чем больше, тем лучше – и улетают. Все просто.

Там работают только подростки и женщины, потому особенного сопротивления оказывать никто не станет. Только завидят жуткие пасти Енси и Хмуса, и все. И больше ничего не надо будет делать – враг обратится в позорное бегство, громко крича и возмущаясь.

Люк проделывал такое уже не раз в других Городах. Но вот младшие участвуют в вылазке впервые. Настало время и для них стать Всадниками. Сегодня – боевое крещение для Ника и Жака. Сегодня вечером они должны будут вонзить нож в бок зажаренного большого ящера, и отцы клана пожелают им стать добрыми охотниками. И первый кусок жаркого сегодня достанется мальчишкам.

Если только все пройдет хорошо.

А все должно пройти хорошо. По-другому просто не может быть.

Люк еще раз достал кулон и дыхнул на него. Не подведи, семейная реликвия, сохрани братьев. Им всего по семь Буймишей, всего по семь. Но из боеспособных мужчин в семье остались только Люк и они. Отец погиб половину Буймиша назад. Остались мать, четверо сестер и трое братьев. И надо прокормить всех. Тем более что отцовский дракон остался, и братья теперь летают на нем.

Сигнал может уловить только дракон – роботы связываются друг с другом так, что никто из людей не слышит. Как они это делают, Всадники не понимали. Да и незачем. Главное, что Енси вдруг резко открыл глаза и выдохнул дымную струю, от которой сорвались с веток путоки и цетахи.

Глаза Енси сверкнули синим пламенем, уши поднялись. Покрытая сизой чешуей шея напряглась. И седло на спине засветилось белыми небольшими огоньками. Это знак – дракон приглашал в полет.

Люк в два прыжка очутился рядом со своей машиной, хлопнул ее по шее и забрался в седло. Пора в полет.

Енси развернул крылья, задевая ветки деревьев и заставляя путоков надрываться от пронзительного крика. Миг – и дракон взмыл в небо, описал круг, поднялся выше, еще выше. И вот лес остался внизу, превращаясь в серые кочки. Долина распахнулась зеленым ковром, блеснула серебристыми полосками рек. И Город в кольце гор приблизился.

Время охоты. И пусть она будет доброй!

Справа, в розоватой дали, показалась черная точка, которая все приближалась и приближалась, принимая знакомые очертания. Люк узнал отцовского дракона, похлопал Енси по шее и приказал:

– Это наши. Подай им знак, что все хорошо.

Енси выпустил струю дыма и издал пронзительный короткий звук. Тут же прилетел ответ – значит, услышали. Значит, все в порядке у мальцов. Теперь за дело, и пусть нам ничего не препятствует раздобыть еды для семьи. Сегодня будет великий день, и мама снова прослезится, глядя на своих выросших сыновей.

Люк заставил дракона подняться повыше. Командовать Енси было легко, достаточно просто попросить:

– Выше, брат. Давай еще выше.

Умная машина быстро реагировала на звук. Это тебе не бестолковые ящеры, на которых летали ополченцы. Те толком и управлять ими не умели, и зачастую причиной гибели ополченцев служили вовсе не жестокие драконы, а собственные глупые животные, которые шарахались от звуков и боялись Живого металла как огня.

И правильно боялись! Всадников должны бояться все!

2

Городские жители называли его Первым, как будто у них не осталось ни капли фантазии, чтобы придумать стоящее название Городу. Ни фантазии, ни собственной истории, ни легенд.

Всадники называли его Бен-А-Элси, что со старого наречия пустынных жителей означало: «Тот, Что Находится Посередине Элси». Когда-то на этом месте находился центр древней цивилизации. Не совсем в этих горах, чуть южнее, к тем лесам, что еле виднеются на горизонте. За лесами лежат Третий и Четвертый Города, а перед ними и перед лесами как раз и находился древний город Бен-А-Элси.

Первый стоит практически у забытых развалин. Если снизиться, то можно рассмотреть и высокие каменные блоки, и остатки городских стен и зданий, и даже белые столбы – опоры когда-то знаменитого арочного моста.

По этому мосту раньше передвигались на мощных машинах-роботах, Люк видел изображения в той части Храма, где старейшины кланов хранят яйца драконов. Сейчас древний город заброшен и забыт, даже название его несправедливо кануло в прошлое. А когда-то он занимал площадь Первого и протягивался дальше Третьего и Четвертого.

Люк склонил голову, пролетая над развалинами, прикоснулся ко лбу, затем к груди и сжал обе ладони, соединяя пальцы. Он отдавал почтение предкам, погибшим когда-то давно.

Пусть прародители и совершили страшные ошибки, ввязавшись в чудовищную войну, чуть не сгубившую людской род, но они сумели все-таки дать жизнь своим потомкам. Потому достойны доброй памяти и почтения.

У самых склонов Первого кипел бой – грохот драконьих крыльев смешивался с дикими криками ополченцев и пронзительным воем непослушных ящеров, на

которых те летали. Всадники держались довольно низко, и драконы издавали жуткий шум, чтобы все внимание сосредоточилось только на них.

Люк хлопнул Енси по шее и приказал:

– Высоко, очень высоко. Полет хищника, Енси. Сделаем их, приятель, как мы всегда делали. Вперед!

Мальчишки должны были взмыть вверх следом за ним. Люк оглянулся и успокоился только тогда, когда увидел, что отцовский Хмус послушно сложил крылья под правильным углом и взял нужное направление. Они летели чуть ниже Енси, и чем меньше и темнее становилась земля, тем дальше оказывался Хмус. Он поднимался, но медленно.

Достигнув небольших облаков и ощутив влагу на ладонях и ледяной ветер на щеках, Люк еще раз глянул вниз. Хмус потерялся за белыми облачными шапками. И откуда только взялось это облако, ведь совсем недавно небосвод был чистым?!

– Позови Хмуса, Енси! – приказал Люк.

Тонкий, протяжный звук разлетелся, вызывая еле уловимое напряжение в воздухе. В ответ – тишина.

Клятая металлическая скотина! Хмус и при отце позволял себе всякие вольности, а мальчишек временами вовсе не слушал. В том и вся проблема. Драконом может полностью обладать только тот, кто его вывел, вырастил и объездил. А Жак и Ник еще никого не объезжали. Просто так получилось, что отец погиб, и, чтобы не сдавать дракона старейшинам и не оставить семью без машины, Люк посадил в седло братьев. Гораздо раньше, чем следовало бы. Но он имел на это право, он остался главой семьи, и решения принимал теперь только он.

– Зови его! – велел Люк еще раз.

Енси позвал, сложил уши, оглянулся и выпустил вялую струю дыма. Скосил глаза вниз. Это значило, что чувствует призыв других драконов. Наступило время

Люка, его очередь выполнять свою часть задания.

И Люк направил Енси вниз.

Он должен был появиться внезапно, так как пролетел над Городом слишком высоко для того, чтобы его заметили. И в этом был секрет успеха. На огромной скорости ворваться в самую середину Города и напасть. Енси всегда безошибочно находил теплицы. Как он это делал – оставалось загадкой. Но в этой части вылазки командовал Енси, а не Люк. А уж Хмус и подавно был опытным драконом, и для него найти теплицу и приземлиться у ее дверей – дымное дело. Все равно что пропустить дым через забор.

Вот из облаков вынырнули еле различимые сторожевые башни и плато, серыми коробками показались дома на стенах. Еще немного – и Люк разглядел дорожки и блестящие бока теплиц. Дракон снижался с ужасающей скоростью, воздух свистел, резал холодом, в ушах звенело, но кровь бурлила в жилах так, что согревала похлеще горячего костра.

Секунда, вторая, третья…

И в этот момент совсем близко пропела тяжелая стрела, выпущенная из длинноствольного орудия. Люк глянул вниз и увидел, что стреляют с небольшого возвышения рядом с крышей теплицы. Ждали? Были готовы?

Вот теперь следовало взять управление на себя. Времени в обрез, Городские заряжают свои пушки довольно быстро. Люк хлопнул Енси по правой стороне шеи, там, где чешуйки отсвечивали беловатым светом. Это значило – круг вправо.

– Быстро! Очень быстро! – крикнул Люк, нагибаясь к самой шее и стараясь укрыться за машиной.

Рывок – и Енси поменял направление. Движение кругом помешает стрелкам как следует прицелиться. Не хочется сжигать их прямо сейчас, Люк помнил наставление отца: как можно меньше жертв. «Береги себя и людей», – говорил всегда отец.

Совершая маневр, Енси не переставал снижаться, хотя делал теперь это не так быстро. Люк не собирался отступать. Он заберет свою добычу, чего бы это ни стоило.

Еще одна стрела пролетела где-то за хвостом Енси, и теперь Люк слышал, как клацают затворы пушки.

Он еще раз хлопнул по правой стороне драконьей шеи, свесился ниже, перегнулся на бок дракона, снял с пояса небольшой арбалет.

Пусть стрелы у него самые обычные, не программируемые, но свое дело они сделают.

Едва поравнялись со стреляющими, Люк спустил крючок.

Крика он не услышал – слишком громко свистел в ушах ветер. Но уже знал, что заряжавший свалился на землю. Теперь есть небольшой временной зазор – смерть соратника всегда выводит Городских из равновесия. Они путаются, а дракон снижается. Как только Енси окажется возле теплицы, можно будет никого не опасаться. Как правило, Городские улепетывают что есть духу.

Последний круг – выстрелов больше не было, – и земля приблизилась, зарябила рядами ровной каменной плитки. Теплица стала большим низким домом, кусты обрели форму и четкий цвет. Короткий грохот по камням – и Люк спрыгнул.

Так и есть – защитники разбежались. Тем лучше для них.

Люк ногой разбил стеклянную дверь и влетел внутрь, не обращая внимания на осыпающиеся осколки. Он отлично знал, что готовые семена снимают каждый месяц – так работают теплицы. Каждый месяц на определенных участках сеют новое, а с других убирают готовый урожай.

Люку нужны стручковые и зерновые. И он сразу нашел то, что надо. Один ящик, второй. Тут есть даже удобные тележки, на которые можно все поставить. Взявшись за изогнутую ручку тележки, Люк вдруг заметил спрятавшихся за ящиками детей. Две девочки, небольшие, чуть старше его братьев. Сжались в ужасе и не могут отвести взгляда от страшного Всадника, прилетевшего в Город

на драконе. Люк изобразил подобие улыбки, хмыкнул и отвернулся. Эти девочки не опасны, они просто не успели убежать.

Погрузив пластиковые ящики на тележки, он двинулся к выходу. Дракон был неподвижен, лишь временами выпускал узкую струю пламени. Где-то вдалеке уже потрескивал огонь.

– Прекрати! – велел ему Люк.

Не стоит устраивать пожары там, где планируешь добывать еду и дальше. Напугали, и хватит. Теперь о страшном драконе тут будут рассказывать долгие Буймиши и проклинать Всадников.

А вот Всадники Городских вовсе не проклинают. Наоборот, даже благодарят за еду.

Закрепив последний ящик на широкой спине Енси, Люк ногой оттолкнул тележку, взлетел в седло и отдал приказ:

– В небо! Домой, Енси! Дело сделано!

Снова простор и облака, снова далекие крики внизу. Видимо, пытаются потушить тот пожар, что успел устроить им Енси.

И только когда крыши теплиц стали маленькими блестящими прямоугольниками, Люк вспомнил о братьях. Хмус так и не ответил на зов!

3

– Зови Хмуса, Енси!

Наклонился, хлопнул дракона по правой стороне шеи, заставляя сделать большой круг. Первый Город простерся внизу неровной глубокой чашей. Каменные дорожки разделяли его на квадраты, и по некоторым густо стелился

дым от пожара, устроенного Енси. Тянуло горелыми листьями и какой-то горечью.

Енси вдруг поднял голову, дернул ушами и громко фыркнул. Люк понял, что он услышал голос Хмуса. Значит, тот где-то здесь, в Городе. Своевольничает, что ли?

И тут Люк заметил длинного, отливающего белыми и синими всполохами дракона. Огромная машина бесшумно пролетала около самого края высокого плато, чуть выше того места, где находился сам Люк. Хмус принес мальчишек к хранилищу энергетических камней.

Ну конечно! Отец всегда занимался именно этим – добывал камни, умеющие хранить энергию. Они тоже очень ценились в клане. Благодаря им можно было хоть иногда пользоваться светом и заставлять работать более мелкие машинки, что имелись у клана. Камни энергии служили обменными единицами и ценились очень и очень высоко.

Только вот Жак и Ник понятия не имели, где их можно украсть и как правильно это сделать!

А на плато всегда были ополченцы, стреляющие на поражение.

Люк наклонился к самой шее, велел Енси повернуть и пролететь над Хмусом. Прикрыть их надо, вот что! И заставить уйти. Пусть убираются, улетают, уносят ноги, и поскорее.

– Хмус, домой! – прокричал Люк, как только оказался над черной вытянутой головой отцовского дракона.

Но тот не отреагировал. Он опустился вниз, к высокой белой станции, вытянул шею и пустил длинную струю огня в подбегающих ополченцев. Двое из них вспыхнули на глазах, точно два ритуальных столба, что поджигают на празднике Смелых Наездников. Жуткий крик боли смешался с утробным рычанием Хмуса. Тот вышел из повиновения и теперь не слушал ни Жака с Ником, ни Люка. Вновь распахнулись его жесткие крылья, сметая на своем пути каменные ограждения и небольшие пушки на них. Отлетел железный скромный заборчик, ограждающий башенку-хранилище, в которой не было окошек, а лишь

одна узенькая дверь.

Мальчишки пытались его остановить, Люк видел это, но все бесполезно. Хмус делал то, чему, судя по всему, учили его очень давно. Хмус воевал.

В небе показались серые ящеры, на которых сидели ополченцы. Полетели стрелы. Метили в мальчишек в первую очередь. Потому что считали, что именно они управляют драконом.

Люк взмыл вверх с огромной скоростью. Енси даже не надо было давать указаний – он сам знал, что надо делать. Прикрыть мальчиков и заставить клятого Хмуса улететь домой.

Люк рванулся навстречу первому же ополченцу. Тот выстрелил из тяжелого арбалета, но не успел как следует прицелиться. На него, раскрыв пасть, летел яростный темный дракон, из глотки которого вырывались пламенные всполохи, и ополченец дрогнул. Дернул поводья, заставляя ящера уйти в сторону. Животное, впав в панику, рванулось вбок, чуть не опрокинув своего хозяина, забило крыльями. Набрало высоту. Люк тут же развернул Енси влево, и дракон, резко махнув хвостом, снес со спины другого ящера ополченца, который пытался зайти сбоку.

Двоих убрали. Где-то вверху подлетал третий, но, видимо, уже раненный в бою. Его животное слегка заваливалось набок, и правое крыло ящера поднималось вяло и слабо, будто из последних сил.

С этим война не будет долгой.

Хмус внизу уже разогнал пламенем всех нападавших и теперь щерился в яростном оскале. Угомонить его не удавалось. Мало кто из Всадников умел справляться с драконьей яростью. Есть, правда, Последний Клич Всадников, сигнал смерти. Запрещенный прием, которым можно пользоваться только в крайнем случае. Клич, запускающий самоуничтожение дракона. Но тогда смерть машине. Этим Всадники не любили пользоваться, это был крайний выход, только когда ничто другое не помогало.

А что делать? Хмус уже разворачивался, направляя распахнутую пасть на Город. И Люк с холодным спокойствием угадывал его желание. Хмус желает мести.

Отомстить за смерть отца, за жестокое поражение. Он желает сжечь Первый Город – вот зачем он поднялся на высокое плато-стену!

И Люк, хлопнув по шее Енси, наклонился, заставляя его опускаться все ниже и ниже. Еще, еще. К самой голове Хмуса. Если бы получилось забрать со спины старого дракона братьев! Если бы удалось спасти и их!

Плоская голова оказалась совсем рядом. Всего миг был у Люка, пока он пролетал над Хмусом. Но все получилось. Свесившись набок, Люк одним рывком всадил в крохотное отверстие в голове отцовского дракона узенький стержень и взмыл вверх. Последний Клич сам сделает свое дело.

И Хмус вздрогнул. Замотал башкой, пытаясь заглушить то, что уже врезалось в его металлические мозги. Распахнул крылья. Люк снова заставил Енси спуститься, надеясь перехватить братьев. Но ему навстречу рванулось жаркое пламя – Хмус пытался защититься. Огонь не пугал Енси, однако мог убить Люка. Пламя опалило, и все же Люк успел подняться чуть выше. А когда развернул дракона, то увидел лишь хвост улетающего Хмуса.

Только бы мальчишки успели сесть до того момента, как Хмус сгорит! Тогда Люк их найдет, непременно найдет…

Кинув последний взгляд на спасенный слишком большой ценой Первый Город, Люк взмыл в облачную высоту.

Глава 5

Мэши. Братья

Драконы черны, потому что Светило прогневалось на них за злость и безжалостность и опалило яростным огнем. Спины драконов почернели, а души их и так были черны. Драконы не знают добра, ведь их Живой металл зарождался в глубине земли, там, куда не может попасть ни один человек и куда не достают лучи Светила. Поэтому драконы темны и злы.

Старая легенда, которую рассказывали в школе, в самых первых классах. Мэши тогда в это верила и считала, что драконы действительно обладают черными душами.

Теперь-то Мэши не признавала наличие души не только у драконов, но и у людей. Все это сказки да прибаутки для малышей. Потому, оставляя за спиной дымящиеся развалины, она не испытывала ни жалости, ни радости. Погибший дракон немало горя принес какому-то Городу. Небось надеялся устроить нападение и поживиться чем-нибудь на стенах. То ли энергетическими камнями, то ли еще чем. А его подбили. И поделом.

О Всаднике-ребенке даже и думать не хотелось. Этот поганец скрывается где-то в лесах, несет с собой драконье яйцо, будущую машину. А отец желает догнать и отобрать это яйцо…

И тут Мэши осенило. Ну конечно! Отобрать, оставить Всадников без боевой машины! Забрать плату себе и самим вырастить дракончика. Это действительно было бы здорово…

Но радость тут же потухла.

В Городах нет Живого металла. Этой драгоценностью теперь обладают только Всадники и тщательно берегут в тайне его местонахождение. А без этого невозможно вырастить большого дракона. Что получится из яйца, если его активировать? Такая же мелюзга, как лека?

Ведь леки не растут без металла, какими были мелкими, такими и остаются. А кто его знает, что бы из них выросло, если бы они могли пить Живой металл, а не только подзаряжаться энергией из энергетических камней? Вдруг бы превратились в большие машины и тоже смогли бы летать? Вот тогда бы и посмотрели, на чьей стороне оказалась сила…

Отец шагал вперед, торопливо пробираясь сквозь частые заросли. Видимо, следы на земле по-прежнему оставались ясными и понятными. От травы потянуло резким и вонючим, и Мэши пришлось перепрыгивать через огромные кучи ящерного навоза. Навалили тут, твари поганые…

– Куда мы забрели? Он что, шагал прямо по говну? – хмуро пробурчала Мэши, обходя очередную приличную кучу коричневого цвета.

– Кучи недавние. А вот и стадо. Стой на месте. – Голос отца стал тихим и напряженным.

Прямо перед ними на широкой прогалине, медленно переступая, паслись узкоголовые ящеры. Небольшие, рогатые, с толстыми, крепкими ногами. Небольшие – это всего лишь полтора отцовского роста. На Эльше бывали ящеры и покрупнее.

Они не нападали на людей, но и не особо смотрели, что там у них под ногами. Такие затопчут и сами не поймут, на что наступили. То ли на человека, то ли на гору собственного навоза.

– Вот он, Всадник. Вернее, их двое, – еще тише проговорил отец и плавно, чтобы никого не спугнуть движениями, повел рукой.

Мэши повернула голову. Сразу за деревом, к ней боком, стоял крупный представитель номусов – так называли этих рогатых и носатых – и обрывал ветви, медленно их пережевывая. А на дереве, на узкой развилке, сидели два мальчика, черноволосые, смуглые, худые. Совсем еще маленькие, может, лет по шесть. И уйти им было некуда.

– Они попались, – пояснил отец.

– Так им и надо, – буркнула в ответ Мэши и развернулась, полагая, что тут делать больше нечего.

В школе учили, что номусы очень пугливы, и, если их что-то встревожит, могут бежать и бежать без остановки. В Городском питомнике разводили номусов, но не давали им вырастать до больших размеров. Их закалывали, пока мясо у них

было мягким, а сами они не превышали человеческого роста. Жаркое из номусов получалось отличное, это Мэши хорошо помнила.

– Не успели мальчишки уйти, – снова заговорил отец, – пришлось им спасаться на дереве. А мы знаешь что сделаем? Прогоним стадо. Это просто. Ну-ка, поищи-ка парочку больших крепких палок. И я такие же найду.

– Как можно прогнать такое больше стадо? Они затопчут нас вмиг.

– Вот увидишь: мы с ними справимся. Номусы глупы и пугливы. Побегут сейчас так, что только хвостами будут стегать по деревьям. Там, внизу, судя по всему, река, они двигались к ней на водопой, да застряли на поляне. Глупые, я же говорю. Только ступай очень тихо, совсем тихо. Нам надо будет прогнать их так, чтобы они побежали от нас, в противоположную сторону. Понимаешь, Мэши?

Мэши рассеянно кивнула, оглянулась. Ей стало неуютно и даже страшно. А вдруг побегут на нее и отца? Они даже на дерево залезть не успеют, и от номусов не будет спасения.

– Стучи вот по этим деревьям, – продолжал как ни в чем не бывало отец, – они полые внутри. Дождевые деревья собирают влагу в сезон дождей, а после расходуют ее. Сейчас они наполовину пустые, потому звучать будут хорошо, гулко. И кричи изо всех сил. По моей команде. Готова?

Мэши не была готова, но что делать? Она кивнула, подняла палку, поморщилась и плечом откинула назад растрепанные кудри.

И отец, стукнув по дереву, закричал:

– Ио-ио гоп-гоп! Ио-ио гоп-гоп!

Это была старая речевка, которую учит малышня в младших классах. И Мэши ее учила когда-то тоже. В отцовском исполнении она звучала браво и бодро. Мэши подхватила во все горло и принялась колотить по дереву:

– Ио-ио гоп-гоп! Наси-наши гоп-гоп!

Зеленошкурый маленький детеныш ящера, жующий ветки неподалеку, поднял голову и вытаращился на звук. Нелепо мигнул маленькими глазками. Тревожно замычала за его спиной самка. Медленно повернулся еще один ящер. Отец и Мэши продолжали шуметь, потихоньку приближаясь к стаду.

– Ио-ио гоп-гоп! Наси-наши гоп-гоп! – неслось между стволами.

Первым не выдержал детеныш. Коротко мукнув, он поднял хвост и спрятался за спину самки. Неповоротливая самка переступила, мотнула головой и бросилась прочь. И тут земля дрогнула от множества ног. Стадо номусов понеслось вниз, к редкому леску на противоположной стороне поляны.

На миг топот заглушил и стуки палок по дереву, и детскую речевку.

А когда все стихло, отец весело улыбнулся и сказал:

– Мы их прогнали, Мэши! Мы молодцы!

Он торопливо перепрыгнул через поваленный сухой ствол, раздвинул руками низкие ветки памельника и вышел на поляну. Длинно свистнул, поднял голову и произнес:

– Доброго вам дня, молодые люди!

2

Ответа не последовало.

Мэши приблизилась, задрала голову и улыбнулась. Коротко сказала:

– Попались.

– Сама попалась! – крикнул один из мальчишек и плюнул вниз.

– А ну, слезайте давайте! – велел им отец, слегка стукнув рукой по стволу дерева.

– Вали отсюда, мужаче, а не то заряжу тебе реп промеж гляделок, вот тогда те небо и схлопнется. Червь-зимонаак паршивый! – раздалось сверху звонко и четко.

Мэши не поняла и половину этой речи, потому сморщилась и протянула:

– Чего? Что он сказал?

– Ругается, паршивец. Только репа у вас нет, парни. Видал я по дороге сюда пустой колчан, закинутый в кусты. Кто из вас, обормотов, выкинул колчан? Младший или старший? Что же вы за вояки, если наследили так, что любой дурень вас найти может?

– В колчане жук-икень сидел, – оправдывающим тоном протянул тот самый, что обещал зарядить реп между гляделок. Он посмотрел на своего товарища, получил легкий удар по макушке, повернулся и крикнул: – Ну и шо, шо нет репа? А мы все равно не слезем. Валите отсюда, пока не прилетел наш брат на драконе. А не то живо сгорите, как те ваши только что на Первом. То-то знатное получится жареное мяско.

– Гадьт! – яростно прошептала Мэши. – Они нападали на наши Города!

– Кидай яйцо дракона, и мы уйдем. Понял, малец? – Голос отца стал резким и твердым. Шутки закончились, поняла Мэши.

– Ха, чего захотел! – заговорил потерявший свой колчан для репов, видимо, помладше. – Вошей для твоей матери, понял? Нет у нас яйца, понял?

– Дядька, у нас нет яйца, – более спокойно произнес его старший брат. – Оно сгорело с драконом. Если поднимешься наверх, пройдешь через лес на четверть запада, то сам увидишь останки дракона. И яйцо сгорело. Мне жаль, дядька.

Отец ухмыльнулся, стукнул еще раз по дереву и снисходительно, с нотками насмешки в голосе сказал:

– Малец, ты отменный наездник, но глуп, как яйцо путока. Я нашел тебя потому, что нашел твоего дракона. Ваши следы не увидит только слепой. И если кто еще заприметил вашу машину, то наверняка пойдет по вашим следам. Всем охота раздобыть драконье яйцо.

– Только его нет, – буркнул младший. – Потому вали, мужаче, и не пяль на нас свои гляделки.

– Братец твой невежливый, как я погляжу, – сказал отец, – только байки ваши будете рассказывать своим башмакам. Яйцо у вас. Никогда не поверю, что дракон умрет, не выдав плату. Это заложено в программе, это завершающий этап цикла. Даже если машина запущена на самоуничтожение. Яйцо у вас, и вы его где-то спрятали. А ну-ка давайте сюда, мальчики.

Отец вдруг ударил в дерево плечом. Толчок получился довольно резкий, младший не удержался и заскользил вниз, цепляясь за ветви и яростно ругаясь словами, которых Мэши слышать не доводилось.

Отец тряхнул дерево еще раз. Мальчишка слетел в траву, а второй повис, цепляясь за ветки. Закружились оранжевые и розовые цветочки, все вокруг засыпало большими лепестками, запахло резко и сладко.

Отец проворно схватил упавшего младшего за шиворот, потом за руку, слегка встряхнул, поднял голову и велел:

– Слезай, пока я не свернул башку твоему братцу. Понял?

Младший опять выдал ряд ругни, старший молча отпустил ветки и легко прыгнул вниз. Он был гибким и ловким, этот мальчик. От его прыжка, казалось, не шелохнулась даже трава под ногами. Глянув черными большими глазищами, он поднял тонкие черные брови и спокойно сказал:

– У нас действительно нет яйца. Ты напрасно тратишь время. Ты хочешь отомстить за своих и убить нас?

Ни один мускул не дрогнул на лице мальчишки, когда он произнес последнюю фразу. Младший перестал вырываться, вздернул подбородок и глянул на отца

Мэши точно такими же, как у старшего, черными глазами. Глазищами, а не глазами, злыми и блестящими. Легкое недоумение промелькнуло в его взгляде и тут же пропало. Брови сдвинулись к переносице, верхняя губа слегка поднялась, показывая белые крепкие зубы. Весь он ощетинился и стал похож на Хамийе, когда тот злился и пытался дать отпор леке.

– Вы не стали брать яйцо с собой, это слишком рискованно. Вы спрятали его около погибшего дракона. Где-то на тех склонах. А после ушли, надеясь найти своих. Я отыщу яйцо по вашим следам. Прямо сейчас. И вы пойдете со мной, – совершенно спокойно сказал отец.

Младший дернулся и пожелал отцу сдохнуть, как клятым червям, которых жрут ящеры. Старший поник и нахмурился.

– Я прав. Яйцо именно там, дорогие мои. Понять это не сложно, достаточно просто посмотреть на вас. Все написано прямо на ваших глупых лбах. Пошли, деточки. Мэши, мы вернемся немного. Придется потерять денек, но оно того стоит.

– А кто вы такие? – спросил старший.

– Никто. Для вас никто. Пошли.

Отец крепко схватил за руку младшего, дернул его и потащил за собой, шагая широко и быстро. Тот уперся поначалу и мотнул головой, отбросив с лица длинную черную прядь, закрывающую брови. Затрещала под отцовскими крепкими пальцами плотная домотканая рубаха синего цвета, и Мэши показалось, что сейчас рукав просто оторвется, – такая она была ветхая и застиранная.

– Двигай ногами, паршивец, – без всякой злобы, даже немного весело велел отец.

– Сам паршивец, – прошипел мальчишка.

Короткий свист и глухой стук заставили вздрогнуть и Мэши, и старшего мальчика. Черный толстый болт, который Всадники называли репом, воткнулся в

ствол рядом с Мэши.

– Ложись! – крикнул отец, толкая в траву мальца.

Мэши тут же бухнулась вниз, слишком поздно соображая, что это, наверное, родич мальчиков. Вот теперь им придется нелегко.

И, словно в подтверждение ее мыслей, еще один болт врезался в соседнее дерево. Старший мальчик вдруг тихо сказал:

– Они убьют всех нас. Это Вурноги. Они участвовали в налете и знают, что наш дракон погиб, оставив яйцо. За яйцо они убьют всех.

Младший громко потянул носом и совсем неожиданно всхлипнул. Мэши оглянулась и увидела, как на поляну из-за трех высоких скал вышли двое людей, черноволосых, широкоскулых и губастых. Типичные западные Всадники, тамошние кланы были совсем дикими. Оба были вооружены арбалетами и лучевыми мечами, оба шагали уверенно и улыбались. Добыча в руках, драгоценное драконье яйцо, можно сказать, лежит у них под ногами. Остается только поднять.

– Мэши, бери мальчиков и беги, – вдруг шепотом заговорил отец. – Беги с ними вперед. Я разберусь с этими двумя. Сначала проползите в траве до деревьев, а потом вниз, по склону, к реке. Чуть правее того места, куда ушло стадо. Поняли? Будьте рядом с Мэши, ребятки, в этих местах опасно. Ну, пошли. Быстро!

Мэши рассеянно глянула на отца, собираясь спросить, как же они будут врозь и как после встретятся. Но старший мальчик уже тянул ее за руку, пробираясь в траве.

– Быстро! – яростно прошептал он, оглядываясь.

И столько решимости и отваги было в его взгляде, что Мэши не стала медлить. Пустилась за братьями, чувствуя, как тихо шелестит трава под животом и как поднимается сзади упругой стеной.

– А что, если с отцом… – начала она, но старший тут же перебил ее:

– Твой отец умный. Он знает, что делает. Так что убираемся, и по-быстрому.

Говорливость младшего тоже иссякла. Он даже не ругнулся. Распластавшись по земле, он двигался проворной ящеркой, и трава лениво качалась над его спиной.

Мысль об отце заколола занозой. Вдруг его убьют? У отца только небольшой арбалет, что он сможет сделать с этими двумя? Отец не воин, он всегда был научным работником, энергетиком на накопительных установках. Он не привык воевать.

Мэши хотелось оглянуться, но ей не давал старший мальчик, который передвигался рядом, плечом к плечу. Он был сосредоточен и постоянно приговаривал:

– Быстрее… быстрее…

Голос тихий, почти шепот, но с таким накалом, что мурашки бежали по спине. Видать, он слишком хорошо знает этих людей, раз предпочитает бежать без оглядки. Значит, действительно стоит опасаться.

Миновали две большие кучи навоза, повернули и добрались до склона, под которым земля уходила вниз, обнажая белые края скал и осыпаясь серыми струйками пыли.

Где-то позади Мэши услышала крик и короткий стук болта, угодившего в дерево. Или это только кажется? Они теперь довольно далеко от злополучной поляны. Куда теперь?

Мальчишки не колебались. Младший уже спускался прямо на заднице – скользил, притормаживая ногами и поднимая серую пыль вокруг себя. Старший схватил Мэши за руку и выдал скороговоркой:

– Давай же, уносим ноги. Быстро! Знаешь, как Вурноги пытают? Лучше не знать, поверь…

С чего это он вдруг стал таким хорошим другом?

Малой уже достиг самого низа обрыва, где блестела ленивая широкая река – не перепрыгнуть, не перейти. Остановился у самого края воды, оглянулся. Лицо в пыли, глаза блестят жарко и яростно. Крикнул:

– Бросай ее, братко! Айда, переплывем и уйдем вверх! Догонят же Вурноги!

– Убьют ее, – хмуро проговорил старший и еще раз посмотрел на Мэши. – Пошли, нельзя ждать. Если твой отец большой воин, он справится. А если нет – они уже убили его и теперь идут по нашим следам. Они и нас убьют. Только если не сбежим.

Мольба в его голосе обдала жаром и тревогой. И Мэши, кивнув, спустилась вниз, перепрыгивая через белесые валуны.

Внизу она оглянулась и заметила, что склон вдоль реки дальше поднимается, становясь отвесным и неприступным. Теперь или идти вдоль них, под самым навесом из ветвей деревьев и травы, или вплавь, через реку. Плавать она умела хорошо, учили в школе в небольшом бассейне. Но то был все-таки бассейн, где дно всегда можно было нащупать ногами. А тут – река, текущая медленно и влекущая по поверхности длинные плети водных растений.

Младший уже прыгнул, и смуглые руки его гнали небольшую волну, рассекая воду. Он то нырял, то поднимал голову и отплевывался. Но плыл ладно, словно родился в воде и мать кормила его грудью, переплывая реки.

Старший вошел в воду по колено, как вдруг резко выпрямился и закричал, нисколько не таясь:

– Ник! Бенума! К тебе плывет бенума!

Мэши отскочила, уставилась в воду и с ужасом увидела белый бок огромной зубастой рыбины. Бенума плыла от противоположного берега наискосок, ее было и не разглядеть толком, она то погружалась в воду, то всплывала, но намерения этой твари были ясны как день. Еще пара минут – и она догонит и перекусит мальчика пополам. Ник моментально развернулся и поплыл обратно, работая руками с удвоенной силой. Белая спина рыбы неспешно рассекала воду. Хищник был уверен, что добыча никуда не денется, потому еле шевелил раздвоенным хвостом, слегка поднимая его над водой.

Медлить нельзя! Мэши сбросила рюкзак, вытряхнула леку, всадила в него камень энергии, и тот запрыгал, завращал глазами, оглядываясь. Теперь дать ему указания – и вперед. Он свое дело знает.

– Иди сюда. Вот тебе нож. Я зайду в воду и запущу тебя, а ты подплывешь к рыбе и заколешь ее. Ты делал это на состязаниях, лека. То же самое. Атака на большую рыбу, понял? Вперед! Большая белая рыба, Лек-Ши!

Лека свистнул низким баском, закряхтел, сжал в тонких пальцах ножик, повернул его поудобнее.

Только бы успеть! Ник греб как сумасшедший, стараясь уйти от бенумы. Брат его зашел в воду по грудь, стараясь криком испугать или отвлечь рыбу. Это глупо, бенума не слышит голоса, она только принимает ультрасигналы в воде, так устроен ее мозг. Этому учил папа.

Мэши бросилась в воду, поднимая кучу брызг, и, вытянув руку, выпустила леку. Тот заработал задними ногами, задвигался, то погружаясь, то всплывая. После нырнул – и его не стало видно. Только белая спина рыбы, почти догнавшей Ника.

На какое-то время все замерло. Лишь плеск от плывущего Ника и собственное тяжелое дыхание. И вдруг белая спина подпрыгнула. Раз, другой. Бенума развернулась, показав длинную морду, полную острых зубов, и ушла на дно. Плеснула хвостом. Через несколько секунд появилось белое брюхо, распоротое от самого носа до хвоста, и по воде расплылась кровь. Невозмутимый лека вынырнул на мгновение и снова исчез. Теперь он возвращался к своей хозяйке.

– Это что? – вытаращился старший.

Младший тем временем добрался до берега, выскочил, отдуваясь и мотая головой. Отплевывался и порывался что-то сказать, но выходило только сипение и икота.

– Это лека, – тихо сказала Мэши и подняла робота, – домашний робот-уборщик.

– У вас тоже есть роботы?

– Только леки. У нас только леки. Они хорошие, никого не убивают и не плюются огнем.

– Ничего себе – никого не убивают! А кто только что прикончил эту большую рыбу?

За спиной послышался шорох, и лека радостно присвистнул. Мэши оглянулась и увидела отца, спускающегося вниз со склона. Целого и невредимого.

Глава 6

Люк. Белый мост

1

Земля унеслась вниз, потом завалилась набок, и в глаза ударили яростно-белые лучи Светила, клонящегося к краю. Сделав круг, Енси взмахнул крыльями, с шумом рассекая воздух, вытянул шею, еле заметно махнул хвостом и рванулся туда, где темнел четким силуэтом Хмус. К неровной кромке леса, кажущегося с высоты лишь скоплением зелено-серых кочек.

Люк не отводил глаз от удаляющегося дракона и, еле сдерживая злость, морщился. Енси летел тяжело и низко, груз на его спине мешал разогнаться, но не оставлять же драгоценные ящики с зернами. Первый Город остался за спиной, где-то внизу. Темнел тревожной большой громадой, с его стен все еще грохотали пушки, выпуская длинные стрелы-копья. Только до Люка они уже не доставали.

Прижавшись к шее Енси, Люк повернул голову и тихо ругнулся. С юго-запада он приметил быстро приближающегося дракона с двумя всадниками. Головы темноволосых мужчин украшали кожаные короткие шлемы с вделанными сбоку

узкими железными стрелками. Такие украшения делали себе Вурноги – соседнее племя, с которым сородичи Люка не очень ладили. Эти двое тоже участвовали в вылазке, грабили склады энергетических камней на стенах. Сейчас, видать, они увидели снижающегося Хмуса и рассчитывали поживиться добычей, отобрав ее у двух пацанов.

Вошей их матерям!

Вот теперь следует поднажать и не дать этим стервятникам догнать мальчишек.

Люк похлопал Енси по шее и приказал:

– Давай-ка побыстрее! Как можно быстрее! Нелегко тебе, знаю. Но надо выручить наших. Попробуй подняться повыше над Вурногами.

Но Енси с тяжелыми ящиками на спине не вытягивал. Зато на вражеском драконе его заметили и изменили курс. Темная машина чуть наклонилась, драконья башка плюнула пламенем, и Вурноги ринулись наперерез Люку, поднимаясь чуть выше и стараясь занять более выгодную позицию.

Ладно, поиграем, вошей вашим матерям…

Люк приказал Енси лететь как можно быстрее и вперед.

– Хвост на Светило! Держись западного края. К лесу. Сделаем и этих, Енси.

Вурноги приблизились настолько, что можно было рассмотреть их темные гляделки, сощуренные в ехидных усмешках. Чувствуют себя победителями. Ну, еще посмотрим, кто кого. Пристроившись над Енси, дракон Вурногов опустил голову и рыгнул густым дымом. Предупреждение: мол, спускайся.

Тут же раздался хриплый крик, пара ругательств и приказ приземляться.

– Давай вниз, парниша, коли жизнь дорога! – разобрал Люк.

Немного еще выждать. Пусть почувствуют себя победителями, пусть думают, что он испугался и наложил в штаны от страха. Для них он – пацан молодой,

несмышленыш безбородый. Вот и пусть потешат свое тщеславие, пусть посмеются.

Люк сделал тревожное лицо, быстро поднял голову и прижался к шее Енси. Вроде как боится их страшно и растерялся, не знает, что делать.

– Давай вниз, кому сказали, стервец! – снова долетел приказ сверху.

Вурноги опустились еще ниже. Кажется, совсем чуть-чуть, и брюхо их машины коснется волос Люка.

– Теперь пора, Енси. Пропускаем их, останавливайся.

Енси это умел. Резко замедлил ход, почти затормозил.

И неприятель на полном разгоне оказался впереди, как раз перед драконьей пастью. Мелькнул длинный, извилистый хвост.

– Огонь! – крикнул Люк.

И Енси, раскрыв пасть, полыхнул горячим и едким синеватым пламенем.

Вурноги тоже были не дураки, вовремя сообразили увести машину, но хвост их дракона хорошо поджарился.

– Вот так, Енси! – улыбнулся Люк. – Давай теперь уйдем. Хмус сел где-то в лесу, они его так быстро не найдут. Уйдем вниз, Енси, вниз, за горы.

Оставалось только улепетывать. Поджаренный дракон уже не разовьет большую скорость и Люка не догонит. Вурногам придется самим садиться где-нибудь в удобном месте и чинить неполадки.

А Люку надо просто переждать. Он это умеет. В охоте на Первый Город он участвовал впервые, но в здешних местах бывать ему доводилось. Тут и там высились остатки древних стен и какие-то белые высокие развалины, напоминавшие каменные колонны в Храме Живого металла. Место для посадки найти трудно, однако Люк уже приземлялся в заброшенном старом городе и не

один раз. Он отыскал взглядом знакомую арку, наполовину обрушившуюся и поднимавшуюся настолько высоко, что розовые лучи уходящего солнца высвечивали ее дугу ярко и весело.

Вот за этой аркой и должен быть проход достаточно удобный, чтобы туда мог поместиться дракон. Люк развернул машину, велел замедлиться и снижаться.

Надо только пройти осторожно под аркой, чтобы не задеть головой – ни своей, ни драконьей. А дальше каменные стены образовывали что-то вроде длинного коридора. Спускались вниз и уходили под землю, как большая чудовищная нора. Вот туда Люк и направил Енси. Только забираться следовало хвостом вперед, чтобы удобнее было вылетать. Не всякий Всадник сможет загнать машину в узкую нору хвостом. Но Люк управился с этим великолепно.

Своего Енси он получил, когда ему едва исполнилось двенадцать. Тогда погиб во время стычки с Вурногами брат отца, который жены и детей не имел. И драконье яйцо с платой – все, что осталось от его машины, – перешло к Люку. Шесть Буймишей назад это было. Шесть Буймишей назад вылупился из яйца маленький дракончик, которого Люк сам водил в Храм к источнику металла, сам пристраивал на ночь и ни на минуту не выпускал из виду. Дракон стал лучшим другом, лучшим помощником. Енси понимал Люка с полуслова.

Вот потому Люк и был одним из лучших молодых охотников своего клана. Вот потому ему и разрешили оставить у себя Хмуса – машину отца.

А Хмус подвел, зараза железная!

Ничего, сейчас главное, чтобы братьям досталось яйцо. А дальше они выведут новую машину, воспитают ее, объездят. И это будет их собственный дракон, на котором они совершат немало славных дел и удачных охот.

2

Енси послушно лег на брюхо в темной и прохладной норе. Глаза его светились голубым, бросая полосы света на каменные стены, покрытые странными

знаками. Справа, на уровне плеча, Люк увидел червя зимонаака, здоровенного, толщиной в руку. Он лениво перебирал мохнатыми ножками и время от времени поднимал лишенную глаз узкую голову, словно прислушиваясь и пытаясь понять, что же это творится вокруг него и кто осмелился нарушить его покой.

С зимонааками лучше не шутить. Они ядовиты, и одно прикосновение их мохнатых лап вызывает жестокую лихорадку на несколько дней. Люк снял червя лазерным мечом – драгоценным оружием, которое ему досталось от отца и которым обладал далеко не каждый мужчина клана. После оглядел стены и потолок норы. Вроде бы пусто. Но наверняка эта гадина здесь не единственная. Если один червь появился, значит, где-то есть и еще. Они обычно селятся колониями под землей и выбираются наружу только вечерами, когда не так тепло и не так сильно светит солнце. Червей этих жрут ящеры, но здесь, в этой норе, спокойно и тихо до звона. Даже не доносится стрекот путоков и щелканье цетахов. Ящеров тут и близко нет.

Вурноги сюда не полезут. Они просто не поймут, куда делся Люк. Только что был – и вдруг нет его. Ни на земле, ни в воздухе. Вряд ли им придет в голову мысль о каменной норе в глубине развалин. А если бы и пришла, приземляться в этих местах они не станут.

Хмус скрылся из виду – это Люк успел заметить. Даже понял, где села отцовская машина, так что как только все уляжется и Вурноги уберутся, Люк отправится на поиски братьев. А пока надо всего лишь переждать.

И Люк, улегшись на шею Енси, достал фляжку, прикрепленную к поясу, и отпил немного холодного кислого кинеля. Кинель сделала мама из белого сока, надоенного вчерашним утром. Он еще не успел загустеть как следует и был не слишком кислым, но Люк как раз такой и любил. После жаркого боя нет ничего лучше, чем несколько глотков кинеля. И сытно, и гасит огонь, полыхающий в горле. После боя казалось, что он и сам почти как дракон. Дыхнешь – и вырвется из глотки горячее пламя.

А ведь каковы паршивцы эти Вурноги! Пришли участвовать в битве сами по себе, конечно. Воспользовались суматохой, которую подняли старшие Всадники клана Люка, пограбили себе сколько надо. А после решили напасть на пацанов, хотя знают, что те везут еду не для себя – для всего клана. Ну, или везли бы, если бы Хмус не выкинул этот поганый фокус.

Чтоб их черви зимонааки грызли до самой смерти!

И тут Люк заметил внизу на стене металлическую полосу с рисунками – глаза Енси, полыхнув голубоватыми лучами, неожиданно выхватили их из темноты. На такое стоит посмотреть поближе. Штуки диковинные и непонятные, древние делали. Люк спрыгнул со спины дракона и подошел поближе. На ощупь полоса была довольно гладкая и холодная.

– Рисунок на Живом металле, Енси. И этот металл до сих пор жив. Что ж я раньше его не заметил? Выглядит точно так же, как на моем кулоне.

Люк достал из-за воротника рубахи кулон, дохнул на него, сунул на свет. Лицо мальчика проявилось четкими, удивительно верными и живыми линиями. На миг даже показалось, что мальчик вот-вот повернется и глянет в глаза Люку. Тут же пошла рябь, изображение пропало, поверхность стала гладкой. А через секунду явила птицу в полете, чьи распростертые крылья задевали облака.

Енси рисунками не интересовался, ему было все равно. Но он слегка повернул голову, чтобы бледный свет его глаз был направлен вниз, на металлические узоры. Знаки, выведенные на отливающем синим цветом Живом металле, Люк не знал. Древние пользовались для письма почти двумя тысячами знаков. Сейчас хватает и пятисот. Один из отцов клана, Рик-Им-Наи, говорил, что война началась именно потому, что древние слишком много знали. Мол, невозможно для одной человеческой головы вмещать столько сведений. Где это слыхано, чтобы знаков для письма было две тысячи? Это слишком много для нормального человека. Для того чтобы охотиться и содержать семью, столько вовсе не надо.

Все остальные отцы с ним соглашались, но Люк чувствовал: тут что-то не так. Да, охотникам хватало и пятисот, но ведь они охотились на драконах. А у тех на боках, у самых хвостов, под чешуей, проступали три ряда знаков, из которых известными и знакомыми были только пять— «дракон», «пламя», «высота», «скорость» и «подъем». А остальные? Что значили остальные знаки? Может, они открывали те секреты машин, о которых народ Люка и не догадывался?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/enal-_varvara/pustynya-vsadnikov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити